

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№10 ОКТЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

2010

О загадках пещер читайте на стр. 40

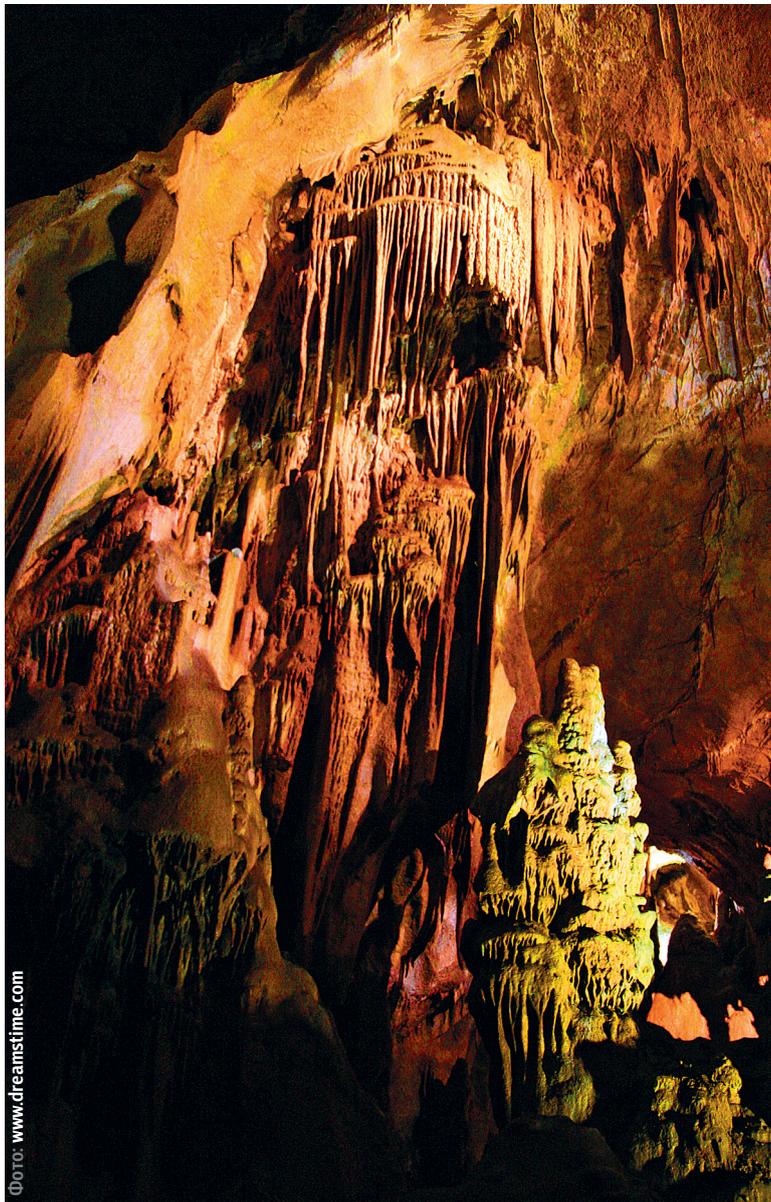

Фото: www.dreamstime.com

<i>МИНУВШЕЕ</i> Династия фавориток Исторический очерк Светланы Бестужевой-Лады	3
<i>НАШИ ПУБЛИКАЦИИ</i> Воспитатель Сергей Максимов	10
<i>ЛОГУНОВА ШУТИТ</i> Amore, more... Елена Логунова	19
<i>РАССКАЗ</i> Хозяин «Кремля» Ивлин Во	27
<i>ИСТОРИЯ ШЕДЕВРА</i> «Эсполио» Эль Греко Ирина Опимах	33
<i>НЕФОРМАТ</i> Пещерные загадки Денис Логинов	40
<i>ОСТРОСЮЖЕТНАЯ ПОВЕСТЬ</i> Раб Андрей Дышев	48
Кроссворд, Эрудит	108

Главный редактор
Михаил Григорьевич Кизилов

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ:
Редактор
Тамара Васильевна Чичина
Литсотрудник
Светлана Михайловна Подорванова

Выпускающий редактор
Светлана Викторовна Гуркина
Дизайнер
Валерий Иванович Харламов
Корректор
Юлия Борисовна Воронова

Обложка и иллюстрации
Лев Рябинин

ООО «ЖУРНАЛ «СМЕНА»:
Генеральный директор
Дмитрий Юрьевич Мережко
Главный бухгалтер
Любовь Александровна Бижко
Директор по распространению
Мария Александровна Яркина, e-mail: sales@smena-online.ru
Менеджер по партнерским программам
Кристина Александровна Бурякова, e-mail: k.buryakova@smena-online.ru
Офис-менеджер
Людмила Николаевна Калинина

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
**Общество с ограниченной
ответственностью**
«Издательский дом журнала
«Смена»:

127994, Москва,
Бумажный пр-д, д. 14
e-mail: jurnal@smena-online.ru
тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»
Исключительные права на тек-
стовые и фотоматериалы, пу-
бликуемые в журнале «Смена»,
принадлежат ООО «Журнал
«Смена» и охраняются в соот-
ветствии с законодательством
РФ и международными согла-
шениями.

В номере использованы фото-
графии Dreamstime.

Шрифты: ParaType

Макет:
Екатерина Балеевская

Отпечатано
ООО «Типография Михайлова-С»:
214020, г.Смоленск, ул. Шевченко, 86
Тираж – 14 000 экз.
Зак. №2010-12935
Цена свободная
Номер подписан в печать:
17.09.2010

ДИНАСТИЯ ФАВОРИТОК

Светлана Бестужева-Лада

О фаворитках русских императоров известно много. Но до Петра Первого в России и слыхом не слыхивали о подобном бесстыдстве — есть законная супруга, богом данная, с ней и живи. Петр перевернул все вверх дном: женился на бывшей прачке и умер, не оставив завещания, что привело к разброду и череде дворцовых переворотов. Когда же наследником престола стал сын Екатерины Павел, тут все и началось...

1

Павел Петрович с юных лет проявлял огромный интерес к противоположному полу. Императрица-мать не поощряла сына, но и не вмешивалась в его амурные делишки: лишь бы под ногами не путался. А потом женила его на немецкой принцессе Вильгельмине, в святом крещении Наталье Алексеевне, и цесаревич, безумно влюбившийся в супругу, на какое-то время успокоился. Увы...

Великая княгиня Наталья Алексеевна на любовь супруга отвечала не менее искренней... ненавистью. Поэтому после ее кончины Павел почти мгновенно перешел от безутешной скорби к прежней погоне за каждой юбкой, несмотря даже на то, что через несколько месяцев после смерти первой жены женился вторично.

От первой великой княгини остался штат фрейлин, которые почти в полном составе сделались фрейлинами вто-

рой супруги цесаревича. Большинство из них грустило по веселой и кокетливой Натали и ни капельки не осуждало ее за роман с красавцем Разумовским. Но одна люто ненавидела осквернительницу супружеского ложа и не скрывала своих эмоций. Это была Екатерина Нелидова.

Выпускница Смольного института, грациозная, умная, но — увы! — некрасивая Нелидова втихомолку обожала цесаревича, но, к сожалению, он не обращал никакого внимания на маленькую смуглянку, даже не смотрел в ее сторону...

Утешалась фрейлина тем, что предмет ее воздыханий казался вполне счастливым во втором супружестве. Первоначально. Но потом супружеская идиллия сменилась демонстративной холодностью со стороны Павла, что, правда, не мешало Марии Федоровне рожать одного ребенка за другим. Павел доводил супругу до горьких слез и даже обмороков. Как-то, во время очередной сцены, он заметил, что если фрейлины императрицы осмеливаются укоризненно смотреть на него, то одна из них явно выражала восторг и одобрение его поведению. Некрасивая, маленькая и... такая чуткая!

Катенька Нелидова дождалась своего часа. Цесаревич не только заметил ее, но и удостоил короткой беседы. И был снова поражен тем, что барышня оказалась на редкость умна, начитанна и образованна — не в пример прочим. С ней можно было разговаривать обо всем на свете. И очень скоро цесаревич стал проводить в обществе фрейлины все больше и больше времени.

Избалованная комплиментами своей красотой Мария Федоровна и подумать не могла о том, что ее соперницей станет худенькая, невзрачная, да просто уродливая фрейлина. Что оставалось ей делать? Только одно — примириться и даже подружиться с фавориткой мужа.

Как ни странно, это было необходимо и самой Екатерине Нелидовой. С годами характер Павла отнюдь не становился легче и мягче. Наоборот, в нем все больше и больше проявлялись черты его покойного отца: жестокость, эгоизм, непоследовательность, молниеносные переходы от самой грубой брани к сентиментальным тирадам. Супруга терпела молча. Фаворитка пыталась перевоспитать. Страдали обе.

Помимо всего прочего, Павел начал потихоньку изменять любимой Катеньке, и она удалилась в Смольный, как утверждала, навсегда. Но...

**Помимо всего прочего,
Павел начал потихоньку
изменять любимой
Катеньке, и она
удалилась в Смольный,
как утверждала, навсегда.
Но...**

Но тут совершенно неожиданно скончалась императрица Екатерина. И Нелидова — все еще фаворитка, но теперь уже императора — немедленно вернулась во дворец. «К своей бесценной подруге», как утверждала она, имея в виду новую императрицу Марию Федоровну. «В постель к императору», — злословили при дворе.

Так бы и продолжалась эта связь, но... вмешался Его Величество Случай. Павел собрался поехать в Москву и Казань для участия в военных маневрах. По их окончании император получил блистательный трофей — юную красавицу Анну Лопухину, с которой познакомился на балу. Взамен отец Анны получал княжеский титул и миллионное состояние. А его дочери были обещаны все мыслимые и немыслимые блага, включая фиктивного, но титулованного и богатого мужа.

В Петербург Павел вернулся в сопровождении семейства Лопухиных. Императрица и фаворитка недолго оставались в неведении относительно роли Анны Лопухиной в жизни императора. Мария Федоровна попыталась возразить — император приказал ей покинуть его покои и более в них не появляться. А Екатерина Ивановна впервые в жизни потеряла выдержку и запустила в неверного любовника шелковым башмачком, который едва не попал в венценосную голову. Так закончился фавор Нелидовой.

Остаток недолгого царствования своего «Павлуши» она провела в Эстонии в замке Лоде. А Анна Лопухина очень скоро стала княгиней Гагариной и статс-дамой императрицы.

В начале 1801 года Нелидова вернулась в Санкт-Петербург: ее мучили дурные предчувствия. Павел о них так и не узнал, потому что встретиться с бывшей возлюбленной не пожелал. Он готовился к браку с Анной Гагариной, которая ждала от него ребенка, но так и не успел повенчаться — в ночь на 11 марта 1801 года его не стало. На престол вззошел Александр Первый.

Екатерина Ивановна Нелидова прожила еще очень долго, сделавшись в Смольном чем-то вроде привидения. Она была первой в династии фавориток Нелидовых. Эстафету приняла ее племянница, дочь брата Варвара Аркадьевна Нелидова, но уже при императоре Николае Первом...

2

Император Николай Первый женщин не чурался, хотя и не был таким любителем женских прелестей, как его отец или старший брат Александр. Музыкальный, пластичный, один из самых красивых мужчин своего времени, галантностью государь не уступал ни одному из своих придворных.

При всех этих замечательных качествах Николай Павлович сохранял верность своей жене, принцессе Шарлотте Прусской, на которой женился по страстной и взаимной любви. Пятнадцать лет брака, во время которого императрица родила семерых детей, были абсолютно безоблачными, пока врачи не запретили Александре Федоровне из-за хрупкого здоровья иметь еще детей.

Как-то Николай Павлович, большой любитель маскарадов, познакомился на одном из них с грациозной, миниатюрной девушкой, которая во время танца вдруг начала рассказывать своему партнеру... истории из его раннего детства. Изумлению императора не было границ, а партнерша сняла маску и представилась:

— Я племянница Екатерины Ивановны Нелидовой. Тетушка мне очень много рассказывала о ваших детских шалостях...

Левицкий Д. Г. Портрет воспитанницы Императорского воспитательного общества благородных девиц Екатерины Ивановны Нелидовой, 1773 г.

Приятно удивленный таким интересом к своей особе, император сделал хорошенькую девушку фрейлиной императрицы, и та к ней горячо привязалась.

Даже склонный к злословию двор вынужден был ограничиться мелкими сплетнями.

Действительно, отношения Вареньки Нелидовой и императора почти семнадцать лет оставались трогательно-нежными, как в первый день знакомства, но дружба их все крепла. Приходя на половину супруги, Николай Павлович все чаще заходил к Вареньке, пил у нее чай, непринужденно беседовал.

Узнав об этом решении любимого человека, Нелидова не разрыдалась, не упала в обморок, а неподвижно просидела в углу залы, заполненной растерянной толпой придворных, напоминая статую скорби

Варенька вела себя в высшей степени достойно. Она никогда не забывала своего положения, никогда не доставляла императрице ни малейшего повода для неудовольствия, чувствуя себя глубоко виноватой перед этой женщиной, и ни разу за все семнадцать лет этого полутайного романа не воспользовалась своим положением в корыстных целях: любовь к Николаю Павловичу была единственным смыслом ее существования. До самой его смерти, столь неожиданной для всех и столь трагичной.

Анна Тютчева, присутствовавшая в Зимнем дворце в последние часы жизни «железного» императора, вспоминала:

«В то время как мы шаг за шагом следили за драмой этой ночи агонии, я вдруг увидела, что в вестибюле появилась несчастная Нелидова. Трудно передать выражение ужаса и глубокого отчаяния, отразившееся в ее растерянных глазах и в красивых чертах, застывших и белых, как мрамор... Только теперь, при виде ее, я поняла смысл неопределенных слухов, ходивших во дворце по поводу отношений, существовавших между императором и этой красивой женщиной, отношений, которые особенно для нас, молодых девушек, были прикрыты с внешней стороны самыми строгими приличиями и полной тайной...»

Им больше не суждено было увидеться. Императрица, не отходящая от постели умирающего мужа, спросила, не желает ли он проститься с самыми близкими ему людьми. Николай покачал головой:

— Только с вами, ангел мой...

— Здесь Варенька Нелидова, — робко заметила Александра Федоровна.

Император с явной благодарностью пожал ей руку и прошептал:

— Нет, дорогая, я не должен больше ее видеть, ты ей скажешь, что прошу ее меня простить.

Узнав об этом решении любимого человека, Нелидова не разрыдалась, не упала в обморок, а неподвижно просидела в углу залы, заполненной растерянной толпой придворных, напоминая статую скорби.

На другой день после смерти императора Нелидова отослала в «Инвалидный капитал» 200 тысяч рублей, которые он ей оставил перед смертью. Это был фонд, основанный в 1813 году царской семьей и принимавший пожертвования от частных лиц. Он служил для обеспечения пенсиями и пособиями раненых военнослужащих, вдов и детей убитых воинов.

В ответ императрица распорядилась, чтобы Нелидовой особо выделили час, когда она смогла бы находиться в траурной комнате наедине с телом Николая Павловича. Ни о какой ревности и речи быть не могло, наоборот, обе женщины словно состязались в благородстве.

Нелидова надолго пережила и своего возлюбленного, и его супругу, и даже некоторых их детей. Шел 1897 год, когда в газетах было опубликовано сообщение о ее смерти. На троне России был правнук Николая, носивший то же имя. Но на панихиде по усопшей присутствовал младший сын Николая Первого Михаил, рождение которого послужило косвенной причиной зарождения «самого рыцарственного романа» того времени.

Романа, о котором мало кто знал и который был очень быстро забыт. Позже Вареньку Нелидову частенько путали с ее тетушкой Екатериной.

Но это были две разные женщины, с совершенно разными судьбами и характерами. Только фамилия у них была одинаковая.

И портрет сохранился только один — Екатерины Нелидовой, кисти Левицкого. Портретов Варвары Нелидовой, увы, не сохранилось.

В ответ императрица распорядилась, чтобы Нелидовой особо выделили час, когда она смогла бы находиться в траурной комнате наедине с телом Николая Павловича

Сергей Максимов

Воспитатель

Сергея Сергеевича Максимова (1917–1967) можно назвать родоначальником той русской прозы, которую в дальнейшем продолжили и Солженицын, и Платонов, и Шаламов.

Уже в пятнадцатилетнем возрасте он печатался в «Мурзилке» и в «Смене», а в 1934 году поступил в литинститут. Перед ним открывалось блестящее будущее, но... донос — и пять лет лагерей. Война застала Максимова в Смоленске, он снова был арестован — теперь уже гестаповцами, а затем отправлен в Германию. В 1949 году увидел свет его первый и единственный роман «Денис Бушуев», сразу же переведенный на несколько языков. В 1952 году в Нью-Йорке, куда он переехал, вышел его сборник рассказов «Тайга», написанный на основе личного печального опыта ссылки.

Умер С. С. Максимов в 1967 году в Лос-Анджелесе.

В полдень пошел дождь. Потемневшие ели грустно опустили мохнатые лапы, с них, точно слезы, катились редкие светлые капли. Серые рваные тучи бежали беспорядочно, цепляясь за острые верхушки стройных пихт.

Едва только скрылся в кустах можжевельника стеганый бушлат десятника Рублева, как мы, словно по команде, побросали ненавистные нам тачки и в одну секунду сгрудились у догоравшего костра. Вооруженный конвоир проследил за нами прищуренным взглядом и снова принялся за свое любимое занятие — жонглирование тремя камешками. Его дело — смотреть, чтобы заключенные не убежали, а работают они или не работают — это его не касается. Подгонял в лагере хватает и без него: начальники лагпунктов, их помощники, прорабы, десятники, нарядчики, коменданты, воспитатели.

Мы протянули озябшие руки к костру, но поблаженствовать долго не пришлось.

— Внимание! Гришка-Филон идет! — скомандовал семнадцатилетний вор-карманщик Сом.

Из леса спрыгнул в песчаный забой маленький тонконогий человек в кожаной порыжевшей куртке и еще издали закричал:

— Отдыхаете, граждане заключенные? А работать кто за вас будет? Пушкин?

Гришка-Филон был лагерным воспитателем. В прошлом «тяжеловес» и «мокрушник» (бандит и убийца), теперь он возглавлял на лагпункте культурно-воспитательную часть.

Изумительное изобретение это — воспитатель.

Гришка-Филон, как и мы, был заключенным, но почти пятнадцатилетнее пребывание в тюрьмах и лагерях с короткими перерывами жизни на воле научило его сразу же пристраиваться в лагере на теплых местечках. Работа воспитателя — одна из самых легких на советской каторге. Воспитатель имеет много преимуществ: он физически не трудится, получает самое лучшее питание, ему почет и взятки и большие шансы на досрочное освобождение. К этой «весьма ответственной» должности допускался только «социально-близкий элемент», как называют уголовных преступников чекисты, и ни в коем случае (упаси боже!) не «политический». Правда, есть один минус в этой должности: жулик, раз побывавший в воспитателях, объявляется блатным миром вне закона, он считается изменником, и в один прекрас-

ный день его могут убить. Гришка-Филон знал это и заискивал перед жуликами.

Ему было 35 лет. Маленький, сухощавый, с бесцветными и всегда бегающими по сторонам глазами, с белой слюной в уголках рта, он производил отталкивающее впечатление. Подражая начальству, носил зеленые уродливые галифе, хромовые сапоги, гимнастерку, кожаную куртку и фуражку а-ля товарищ Сталин. Срок у него был пять лет, из них три он уже отбыл.

О своем последнем «деле» он говорил много и охотно. А «дело» заключалось в следующем маленьком происшествии: ночью, в темном переулке он «накрыл» женщину, а так как она отказалась добровольно и без шума отдать ему свою шубу, то он бритвой отрезал ей нос, а шубу все-таки отнял...

Гришка-Филон быстро подошел к нам и, подняв с земли совковую лопату, в одну секунду разбросал костер.

— Греться захотели? — приговаривал он, орудуя лопатой. — Греться? А вы за тачкой, за тачкой погрейтесь!

— Гражданин воспитатель, да ведь мы только что присели, — взволнованно проговорил Николай Иванович Сушков, профессор-археолог, нашумевший в свое время в Москве интереснейшими статьями о раскопках в Бухаре. Слабый, совершенно больной, он покорно в течение трех лет катал тачку. Осужден он был за «не донос» на своего брата-инженера, обвиненного во вредительстве.

Гришка-Филон, далеко откинув последнюю горящую головню, оперся на лопату, обвел нас белесыми глазами и, стараясь придать своему голосу нравоучительный тон, заговорил:

— Вы, граждане, находитесь, так сказать, в исправительно-трудовом лагере НКВД... э-э... это, так сказать, не царская каторга, а... а исправительная. Советское правительство во главе с товарищем Сталиным... э-э... не наказывает преступников, а перевоспитывает. Вы, так сказать, враги народа, и доверия к вам нету, а потому вас надо перевоспитывать, перековывать, так сказать...

— Я не враг народа, а вор, — вставил Сом. — Ты меня, Филон, в общую кучу не мешай...

— Я не тебе речь говорю, а «политическим»... Помните, граждане заключенные, только через труд и перековочку вы вернетесь в ряды полноправных советских граждан... А поэтому вывозите земли на тачках как можно больше... Норму вывозки надо не только выполнять, но и перевыполнять!

Как ни грустно было слушать речь воспитателя, все-таки многие из нас хихикнули.

— Чего зубья показываете? — взревел Филон. — Работать надо, а не смеяться... Я тоже был первый жулик и бандит, а теперь вот человеком стал... Норму надо делать! Норму!

— Ваши нормы, гражданин воспитатель, невыполнимы, — покачав головой, сказал профессор.

— Как это — невыполнимы? Ежели, конечно, ты не хочешь помогать стране, то не исполнишь норму... Я тебя, старик, предупреждаю: если норму выполнять не будешь, отправишься на штрафной, так сказать, лагпункт... Кубики, кубики и кубики! («Кубик» на лагерном языке — кубический метр грунта.)

Речь воспитателя затягивалась, а следовательно, затягивался и отдых. Мы начали задавать ему бессмысленные вопросы только затем, чтобы подольше оттянуть встречу с общим другом — тачкой. Но Филон скоро спохватился и грозно крикнул:

— Ну, вот что: хватит трепаться! Эй, старик, подымайся! За работу!

Заключенные не торопясь стали расходиться по своим забоям.

Сом поднялся и запел:

*Тачка, ты, тачка, ты меня не бойси-и...
Я тебя не трону, ты не беспокойси-и...*

Он смачно воткнул лопату в голубой суглинок.

*Рвутся бурки, рвется аммонал,
На кой черт мне сдался Беломорканал?..*

От ежедневной изнуряющей двенадцатичасовой физической работы нестерпимо болели спина и руки, на ладонях кропоточили мозоли, тачка валилась набок, мучил голод.

На краю забоя, четко выделяясь на фоне рваных облаков, стоял, запустив руки в карманы кожанки, маленький человек в уродливых галифе, слюнявил дешевенькую папиросу, и, в силу какого-то закона парадоксальности, этот крохотный кусок мерзости, сляпанный из всех присущих человеку пороков, олицетворял собой ту силу, которая заставляла сотни ты-

сяч людей — в погоне за лишним кубометром земли, в надежде на какое-то мифическое «досрочное освобождение», в надежде на скорую встречу с родными, терпеливо ожидающими где-то своего мученика, — заставляла тянуть из себя последние силы, харкать кровью, возить, возить и возить тяжелую тачку...

На другой день чугунный буфер, висевший у вахты, разбудил нас особенно рано. Было совсем темно. Нудные холодные звуки напоминали кладбищенский набат.

Все население лагпункта, тысячу двести человек, построили по бригадам у палаток и барачков. Что-то затевалось. Возле вахты толпилось начальство.

Горев, начальник лагпункта, вдребезги пьяный, едва стоял на ногах — очевидно, он еще не протрезвел после вчерашней пьянки. Его бережно поддерживали два молодца с кровавыми петличками на шинелях.

— Тише! — крикнул один из них. — Начальник лагпункта хочет сказать вам несколько слов.

Горев слабо махнул рукой, глупо улыбнулся и выдавил:

— Гра... ык... гра... ык...

Тогда из свиты выскочил юркий Гришка-Филон, вскочил на пенек и заорал что было мочи:

— Граждане заключенные! Сиводне у нас аврал... Всем понятно? Сиводне мы должны, так сказать, во что бы то ни стало отсыпать подход к мосту на 85 пикете и, так сказать, пропустить поезд... Это задание на сиводнишний день идет от нашего начальника всех Ухто-Печерских исправительно-трудовых лагерей, товарища Якова Мороза... Я думаю, товарищи... то есть... граждане заключенные, что партия, товарищ Сталин и товарищ Мороз зовут нас на а-а-агромный подвиг! Это вам не отмычкой замок открыть и не сумочку у мадамочки отрезать, а, так сказать, через труд и перековочку пропустить поезд. Ура!

— Ура! — крикнули люди в малиновых петличках.

— Ура! — продребезжал единственный голос из толпы заключенных. Это взывал сгорбленный старичок, шатавшийся от слабости. Очевидно, он уже не соображал, что делал.

Все население лагпункта, тысячу двести человек, построили по бригадам у палаток и барачков. Что-то затевалось. Возле вахты толпилось начальство

Построенный наспех большой мост через реку Лунь-Вож был готов. Справа и слева от него возвышались два длинных недосыпанных земляных конуса.

В длину всего моста красовался яркий плакат: «Труд в СССР — дело чести, дело славы, дело доблести и геройства! (Сталин)».

**Профессор Сушков,
нагрузив тачку, стал
ее поднимать и вдруг,
охнув, сел на землю,
держась руками за живот.
Я подбежал и попытался
приподнять его**

Суетливые десятники быстро расставили бригады землекопов, и работа началась. Забой нашей бригады находился на горе, метрах в ста от левого конуса. Часть бригады работала в огромной пещере старого забоя.

Прибежал Гришка-Филон и, набивая пену у губ, быстро заговорил:

— Нажимайте, граждане. Сам товарищ Мороз приедет на открытие моста. Говорят, всем скидки со сроков будут... досрочно освободят... оркестр приедет.

Маленький паровозик «кукушка», пронзительным свистом оглашая тайгу, подвозил шпалы и рельсы. Метр за метром укладывали путь.

Профессор Сушков с остервенением нагружал тачку песком, хилыми руками поднимал ее и, покачиваясь из стороны в сторону, вез по скользкому трапу вверх, на насыпь. Я видел, что он тратит последние силы.

— Оставьте, не торопитесь, — советовал я.

— А кто их знает, — отвечал он, прерывисто дыша. — Может, и действительно досрочно освободят.

Вскоре приехал духовой оркестр. Музыканты быстро расположились на траве под соснами и заиграли бравурный фокстрот.

С насыпи вместе с тачкой скатился заключенный и сломал себе шею.

Профессор Сушков, нагрузив тачку, стал ее поднимать и вдруг, охнув, сел на землю, держась руками за живот. Я подбежал и попытался приподнять его.

— Не надо... больно, — простонал он.

Подошел фельдшер, осмотрел профессора и равнодушно сказал санитарам:

— Надорвался... Унесите на лагпункт.

А люди, один за другим, бежали по узким трапам, сваливались с них, снова поднимались и снова брались за лопату и тачку.

Приехал товарищ Мороз. Толстый, с добротной папирсой в зубах, он ходил от забоя к забую, носком блестящего хромового сапога трогал грунт и спрашивал у заключенных:

— Ну, как грунт?

Или:

— Что-то тачка у тебя, брат, мала.

Или:

— Запомните, что только через честный, самоотверженный труд вы смоете с себя ваши позорные пятна преступления.

В эти минуты он удивительно напоминал Гришку-Филона, мне даже показалось, что точно так же, как у Гришки, у его рта набегала слюна.

После короткого обеденного перерыва около ста человек отказались подняться с земли. Конвоиры кричали, стреляли в воздух, но все было напрасно. Партию человек в двадцать кое-как подняли и погнали на лагпункт в карцер. Я видел, как только они скрылись с глаз начальства, конвоиры дали полную волю кулакам и прикладам.

Выбежавший на минуту из пещеры Сом подмигнул мне и, показав на избиваемых людей, весело сказал:

— Перевоспитывают!

Насыпь росла прямо на глазах. Оркестр играл без перерыва. Ввалившимися глазами заключенные злобно смотрели на музыкантов и ругались:

— Хоть бы они, сволочи, перестали играть! И так немоготу!

Со страшным грохотом обвалилась пещера, похоронив под собой восемь человек, в том числе и Сома. Я едва успел отскочить от катившейся на меня большой глыбы земли.

Товарищ Мороз разрешил поставить полбригады на откопку трупов.

А с моста громко кричал плакат красивыми словами: «Труд в СССР — дело чести, дело славы, дело доблести и героизма! (Сталин)».

**После короткого
обеденного перерыва
около ста человек
отказались подняться
с земли. Конвоиры
кричали, стреляли
в воздух, но все было
напрасно**

Поезд прошел через мост только поздно вечером.

Три дня я валялся на нарах больной.

Пришел Гришка-Филон и принес мне письмо от отца из Москвы. Он долго вертел в руках конверт, потом вытащил из него письма, отдал мне, а конверт сунул в карман.

— Дай мне и конверт, — попросил я.

— Нельзя... Что-то он подозрительный, надо проверить... — и ушел.

Вскоре Гришку-Филона досрочно освободили за «ударную» работу. Кажется, он был единственным человеком, получившим такую дорогую награду за мост Лунь-Вож.

Прошло полгода. Цинга скрючила мне ноги, и я еле-еле выползал из барака. Я долго не имел весточки из дома и, когда новый воспитатель, в прошлом крупный аферист, Войцеховский вручил мне второе письмо, чуть не заплакал от радости. В письме, между прочим, отец написал:

Вскоре Гришку-Филона досрочно освободили за «ударную» работу. Кажется, он был единственным человеком, получившим такую дорогую награду за мост Лунь-Вож

«Вчера у нас был счастливый день: к нам пришел твой бывший воспитатель Семен Михайлович Огурцов. Пили чай, он нам долго рассказывал о тебе. Потом сказал, что завтра едет назад в лагерь, где думает остаться на работе по вольному найму. Мы спросили, не будет ли он так любезен и не захватит ли что-нибудь для тебя? Он охотно согласился, сказал, что тебе надо приодеться попримичнее (почему ты до сих пор об этом не писал?). Мы дали ему два больших чемодана с вещами и продуктами для тебя. Получил ли ты их?»

И тут я сразу понял, для чего Гришка-Филон отобрал у меня конверт.

Никаких чемоданов я, конечно, не получил и думаю, никогда не получу. Да дело и не в чемоданах. Ведь Семен Михайлович Огурцов был когда-то воспитателем Гришкой-Филоном и прекрасно знает, что нужно заключенному в советском концлагере. Главное — перевоспитание, а все остальное — вещи второстепенные.

На то Гришка-Филон и воспитатель, чтоб знать это! ☹

AMORE, MORE...

Елена Логунова

**Открывая новую рубрику «Логунова шутит»,
представляем ее героя, точнее героиню.**

Итак, знакомьтесь! Елене Логуновой – автору 35 романов, жене второго мужа и маме одного сына – определение «спортсменка, комсомолка, просто красавица» не подходит исключительно из-за развала ВЛКСМ. Писательские труды, госслужба в департаменте внешнеэкономической деятельности, родные и друзья дают ей все, кроме свободного времени, о чем сама Елена не сокрушается, соглашаясь с Федором Михайловичем Достоевским в том, что жизнь надо любить больше, чем смысл жизни.

Слово имеет лишь то значение, которое мы в него вкладываем. Кажется, так говорил Ницше, но я не уверен, ибо сказал он это не мне лично. Эту фразу процитировал в моем присутствии второкурсник филфака Дима, отказавшись жениться на дочке Вере после бурной ночи на сеновале.

— Но ты же дал слово! — рыдала неоднократно и разнообразно обещенная девушка.

Тут-то Дима и высказал их общее с Ницше мнение по поводу слова, которое имеет только то значение, которое мы в него вкладываем. За это Вера обозвала их с Ницше козлами, которым только и нужно, что вкладывать и иметь, а совести и сердца у них нету вовсе.

Тут Вера ошиблась. Сердце у студента было, и работало оно как мотор, обеспечивая приток крови ко всем органам, включая и тот, активная жизнедеятельность которого обусловила встречу Димы со мной.

Нашу совместную жизнь я вспоминаю со скромной гордостью. Все-таки не каждому довелось узнать, как органично перетекают стихи Маларме в сложные позы Камасутры! Впрочем, Дима был всего лишь эпизодом в моей бурной жизни. А началась она с Василия.

Ах, Василий, милый Василий! С нежностью и умилением воображаю я забываемое: мелодичное журчание струй, густую сень кущ...

Возвращаясь к осмысленным словам, хочу спросить: что для вас родина? Мне доводилось слышать, будто она начинается с картинки в букваре и с хороших и верных товарищей, живущих в соседнем дворе. На-

счет букваря не знаю, я не книжный червь. Зато нашему кочевому племени действительно свойственно мигрировать с одного хорошего и близкого товарища на другого, с другого на третьего — и так далее... Но лучшее место, чем родина, найти трудно.

Моя малая родина звалась Василием. Не скажу, что она была такой уж малой — впоследствии видал я и поменьше. И почище видал, и поароматнее... Но не буду неблагодарным. Родину не выбирают! А мой Василий порой-таки стряхивал с себя вековое сонное оцепенение, обретая внушительное величие и поистине имперские амбиции покорять и властвовать. И тогда — о! — тогда планеты сходили с орбит, и миры сталкивались, содрогаясь!

В один из таких могучих катаклизмов я вынужденно оторвался от родных корней и оказался на чужбине.

Мою первую чужбину звали Люсей. Не знаю, какой причудливый выверт судьбы свел ее с Василием — они были такие разные! Запущенный, неухоженный, непредсказуемый — то безразличный и вялый, то целеустремленный и напористый — Василий и маленькая, чистенькая, аккуратная Люся. Пушистая и душистая, она была ограниченной, мелочной и заботилась исключительно о собственном благополучии. Надо было слышать, как проклинала она тот миг восхитительного безумия, который подарил ей незабываемые впечатления и меня:

— Ох, дура я, дура! Связалась с уродом, подцепила мерзкую гадость!

Я не считал уродом Василия и определял самого себя в несколько иных выражениях, нежели «мерзкая гадость». Но дискутировать с Люсей я не мог. Она не захотела бы прислушаться к одинокому голосу незаконного мигранта. К тому же, по молодости и незрелости, я еще не был готов к предметному спору на морально-этические темы.

В итоге мешанка Люся не стала мне новой родиной. Сожалею ли я об этом? Да, когда вспоминаю ее восхитительные благоустроенность и удобство. Красота и порядок во всем — вот какова была Люся! Но мне, рожденному и выросшему в иных пределах, не нашлось места в этой идиллии. Хотя не только поэтому я оставил Люсю. Я считал тогда, считаю и сейчас, что активное неприятие инородцев свойственно существам и сущностям чрезвычайно низкого развития. В нашем же с Люсей слу-

чае можно было говорить о самой настоящей расовой дискриминации. Более того — о геноциде!

Подобно злой мачехе, псевдородина Люся страстно жаждала меня извести и втайне от других искала способы сжить меня со свету.

Я не смог прижиться в столь враждебной среде и при первой же возможности эмигрировал на Геннадия Анатольевича.

Сделал я это под покровом ночи, не сказав последнего «прости» жестокой Люсе и не уведомив о своем прибытии Геннадия Анатольевича. Геся, как называла своего мужа Люся, был на редкость педантичен и зануден. Я понимал, что не получу от него ни разового гостевого приглашения, ни тем паче долгосрочного вида на жительство. А незаконное пересечение границы Геся совершенно точно расценил бы как вопиющее и преступное нарушение его суверенитета. Ситуацию дополнительно осложняло то, что в давние времена Геннадий Анатольевич уже имел печальный опыт знакомства с нашим племенем. Нет-нет, мои предшественники вовсе не были агрессорами! Геся сам спровоцировал оккупацию неразумным поведением и неразборчивостью в связях. И, хотя его личная свобода была ограничена не так уж долго и завершилась полным освобождением, предубеждение по отношению к моим сородичам у Геси сохранилось навсегда.

Я не планировал задерживаться на Геннадии Анатольевиче, рассматривая Гесю исключительно как временное пристанище, однако покинуть его удалось нескоро. Мне все-таки повезло: Гесю соблазнила его секретарша Эмма. Я радовался этому даже больше, чем она сама!

Эмма меня поразила. Она была воплощением свободы и демократии! Во-первых, под облегающим трикотажным платьем на Эмме вовсе не имелось белья, которое я всегда расценивал как досадное и несправедливое ограничение моей свободы передвижения. Во-вторых, будучи девушкой темпераментной и любвеобильной, она вела самую активную и дружелюбную внешнюю политику, при каждом удобном случае переключая ее непосредственно на внутренние дела. Уже через два часа после того, как я под натужный скрип кожаного дивана в приемной расстался с Геннадием Анатольевичем, Эмма дала возможность переселиться на Рустама.

Этот шанс представился мне в укромном и тихом уголке ночного клуба, однако я им не воспользовался. Я не капризен и умею приспособливаться, так что по условиям жизни Рустам мне вполне подходил. Однако он уже был заселен агрессивными аборигенами, чрезвычайно недоброжелательно настроенными по отношению к чужакам. Я не был готов к прямой борьбе за территорию, да и на обетованную землю Рустам не тянул.

Поэтому я предпочел задержаться на Эмме и не прогадал: не удовлетворившись общением с торговцем Рустамом, из клуба она ушла со студентом Димой. Тогда-то я и услышал поэтические строки Маларме, которые малоэрудированная Эмма прокомментировала вопросом:

— Ты, милый, экстази наглотался или чего покруче?

После этого студент-филолог перешел на общедоступный фольклор и продекламировал «Раз, два, три, четыре, пять — вышел зайчик погулять!» с такой недетской экспрессией, что Эмино финальное «Ой-ой-ой» после Диминого «Пиф-паф!» прозвучало подкупающе искренне. И, вдохновленный столь гармоничным слиянием миров, я несанкционированно включился в инсценировку и выступил в роли убегающего зайчика, мигрировав на Диму.

Этот мой шаг оказался равнозначен отважному переселению на новую землю и имел воистину далекие последствия. Не спрося моего согласия, Дима увез меня в колхоз, куда его со всем курсом отправили «на картошку». Это сильно сузило круг общения для Димы и возможность выбора нового места жительства для меня. Оставаться до конца жизни со студентом я не собирался — он не казался мне надежной пристанью. Потому-то меня и удивило горячее желание доярки Веры скоропалительно выйти за Диму замуж.

— Лапочка, я тебе совершенно не подхожу! — сказал Вере Дима, и я был с ним полностью согласен. — Я интеллигент в третьем поколении, а тебе нужен Вася-тракторист, любитель борща, самогона и пышных доярок с небритыми ногами!

После этого расвирепевшая Вера одним ударом рабочекрестьянского кулака послала зарвавшегося интеллигента в глубокий нокаут, и я искренне порадовался, что успел перебежать на сторону победительницы. Диму, по всей видимости, ждал лазарет, а там обо мне позаботились бы совсем иначе, нежели о нем.

Кроме того, мне не хотелось пропустить возможную встречу Веры с трактористом Васей, от скупо обрисованного образа которого на меня повеяло незабываемым и родным.

Увы, я был жестоко обманут в своих ожиданиях! Размечтавшись о возвращении на родину-Васю, скромную жизнь на котором я после долгих странствий склонен был считать идеалом существования, я неразумно поспешил оставить Веру. Она же сильно подвела меня, проявив предосудительные торопливость и неразборчивость в связях. Не сумев вступить в желанный союз с прогрессивным и образованным студентом, она приняла второсортную дружбу третьего мира.

Рука дружбы по имени Умберто была темнокожей. Все остальное — такого же цвета. Это ввело меня в заблуждение: я ведь как раз размечтался о родных черноземах! Умберто приехал учить русский язык по обмену не то из Венесуэлы, не то из Никарагуа — я не успел разобраться, у меня было мало времени на политэкономия.

При ближайшем рассмотрении Умберто оказался не хуже других. К его темному цвету я быстро привык, а по сути своей все люди одинаковы... Да, время странствий научило меня терпимости!

С Умберто я вернулся в город и даже поднялся по социальной лестнице, неожиданно для себя оказавшись вовлеченным в шоу-бизнес. Темнокожий Умберто устроился стриптизером в ночной клуб, и я разделил триумф его первого выступления. Будущее обещало превратиться в череду латиноамериканских карнавалов, но я вдруг понял, что рожден для более спокойной жизни, и холодной декабрьской ночью покинул Умберто.

Меня грела Надежда. Надежда имела внешность типичной снежной бабы, весьма незначительно облагороженную воздействием современной косметологии. Все заботы о своей красоте она сосредоточила в высших эшелонах — в районе лица и декольте. Там, в верхах, без счета расходовались мировые запасы декоративной косметики, в низах же царили запустение и безнадежность. Толстому, рыхлому телу Надежды могли придать привлекательности только денежные знаки в значительных количествах, однако ими она располагала редко, исключительно в день полочки на макаронной фабрике. Со скудным бюджетом никак нельзя надеяться на оздоровле-

ние и активизацию личной жизни (вопреки собственным программным заявлениям, ежеутренне озвучиваемым у зеркала, Надежда не имела реальных шансов для масштабной реформы своих органов). А в отсутствие инвестиционно привлекательных участков организма нельзя ожидать интересных вложений. Я понял, что Надежда совершенно бесперспективна, и вскоре эмигрировал с нее.

Это было непростое решение. Я уже стал немолод, мой жизненный цикл заканчивался. Времени на то, чтобы обеспечить себе спокойную безбедную старость, оставалось совсем немного. Я переселился на сантехника Витю, но он оказался забуддыгой, решительно не достойным интеллигентного существа, знакомого с Маларме, Камасутрой и латиноамериканским фольклором. Витина супруга Маша была не лучше: на почве многолетнего альянса с Витей у нее выработались маниакальная подозрительность и возмутительная склонность к карательным гигиеническим акциям. Внезапно я угодил в разгар широкомащтабной операции по зачистке Витиных территорий и вновь был вынужден отсиживаться в белье.

Не буду рассказывать, каким чудесным образом мне удалось избежать насильственной смерти в барабане адской стиральной машины. В глубоком андеграунде бельевого шва я пересидел жестокую пору репрессий и вернулся к морально и физически очищенному Вите на заре его новой жизни. Мир вокруг меня претерпел положительные изменения, в воздухе запахло «Свободой»... Неожиданно я понял, что мне совсем не нравится этот одеколон.

И я ушел. Ушел в никуда — космополит, изгнанник, странник, не нашедший приюта в целом свете. Моя жизнь прошла напрасно. Я не оставил следа ни в одном из миров и не нашел смысла существования. Зачем я был? У меня нет ответа.

Ворох старого тряпья в мусорном баке занимается пламенем, и, смиренно принимая свое аутодафе, я думаю о вечном. «И дым Отечества нам сладок и приятен», — сказал поэт. Не Маларме, не Ницше — другой.

Так, может быть, это и есть мое назначение — сгорая, добавив свою нотку горечи в сладкий дым Отечества в целом? ☞

Ивлин Во

Хозяин «Кремля»

Историю эту рассказал мне в Париже одним ранним утром владелец знаменитого ночного клуба, и я склонен верить в ее правдивость.

Не буду приводить ни настоящие имя и фамилию этого человека, ни название клуба, потому что такую рекламу он бы не одобрил, поэтому дам ему имя Борис, а клуб назову «Кремлем».

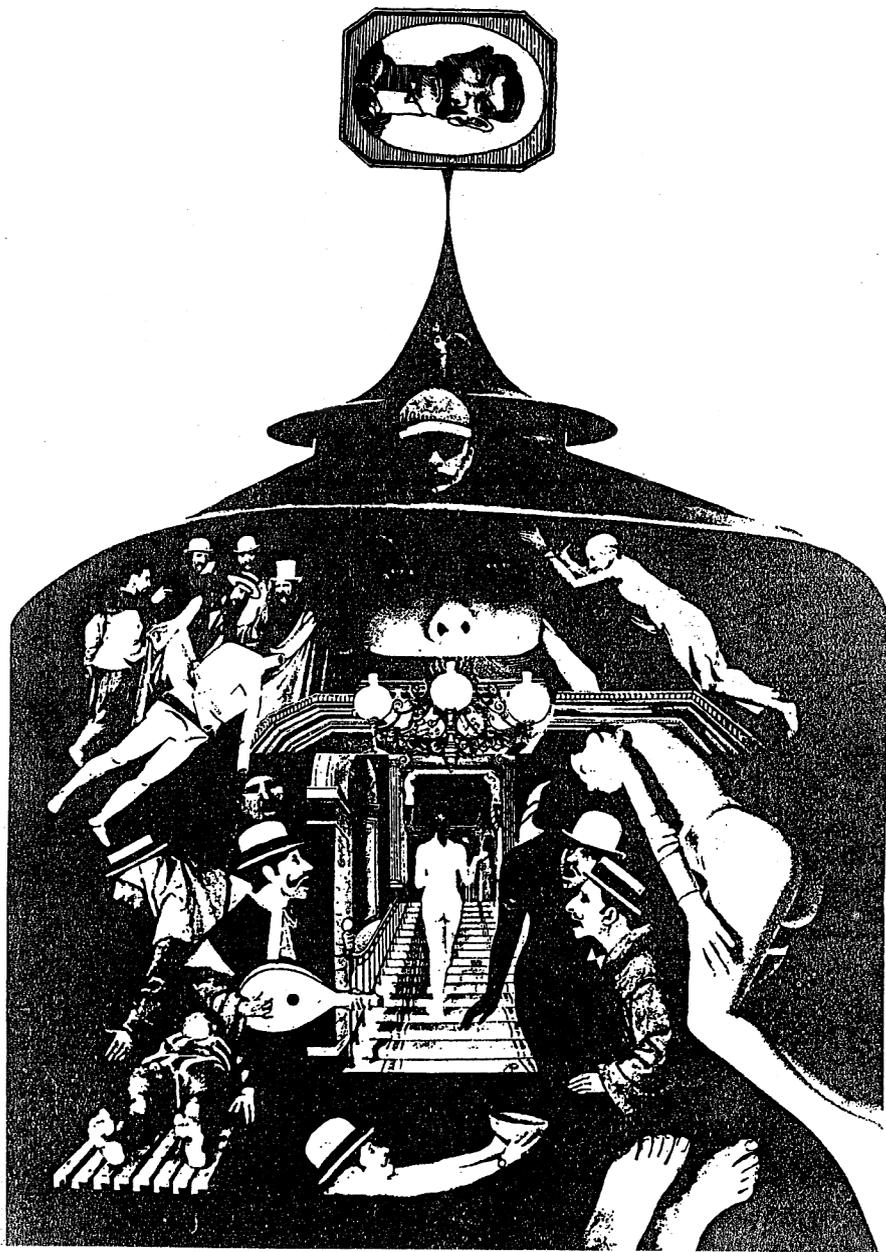
«Кремль» — заведение известное.

Пальто и шляпу у дверей у вас забирает прямо-таки настоящий казак зверской наружности — в сапогах со шпорами, часть лица, не скрытая бородой, вся в шрамах, как у немецкого довоенного студента.

Интерьер — ковры и вязаная красная материя, имитирующая стены и крышу шатра. Когда людям хочется потанцевать, играет или очень хороший цыганский оркестр, или очень хороший джаз-банд.

Официанты подобраны по росту. Одетые в великолепные российские наряды, они разносят круглые пламенеющие жаровни, на которых между кусками мяса шипит лук. Большинство из них — бывшие офицеры царской гвардии.

Борис — достаточно молодой человек ростом в шесть футов и пять с половиной дюймов. Одет он в русскую шелковую блузу, шаровары и высокие сапоги и ходит от столика к столику, дабы убедиться, что в его заведении идеальный порядок.

С двух ночи и до зари «Кремль» всегда полон, и американские гости, задумчиво глядя на счет, частенько говорят, что Борис «делает на этом хорошие деньги». Так оно и есть.

Мода на Монмартре меняется очень быстро, но если нынешняя популярность клуба продержится еще один сезон, у него появится возможность отойти от дел, снять виллу на Ривьере и жить там до конца своих дней.

Как-то субботним вечером, точнее воскресным утром, Борис удостоил меня особой чести: сел за мой столик и выпил стакан вина. Именно тогда он и рассказал свою историю.

Его отец был генералом, и войну Борис встретил в военной академии.

Слишком юный для службы, он оставался в тылу и своими глазами видел крушение Империи.

Потом наступил период смуты, когда великая война закончилась, и разбросанные по стране остатки царской армии, которые с неохотой поддерживали бывшие союзники, вели обреченную на неудачу борьбу с большевиками.

Борису к тому времени уже исполнилось восемнадцать. Его отец погиб, а матери удалось эмигрировать в Америку.

Военная академия закрылась, и Борис с несколькими друзьями-курсантами решил присоединиться к армии Колчака, сражавшейся с большевиками в Сибири.

Странная это была армия: безлошадные кавалеристы, матросы, оставившие свои корабли, офицеры, чьи подразделения подняли бунт и перешли на сторону большевиков, тыловые гарнизоны и адъютанты, ветераны Русско-японской войны и юноши вроде Бориса, ни разу не нюхавшие пороха.

Помимо них, в армию входили части Антанты, посланные быстро меняющимися правительствами и благополучно забытые, английские инженерные части и французская артиллерия. Плюс связанные офицеры и военные атташе при генеральном штабе.

Среди последних был французский офицер-кавалерист, несколькими годами старше Бориса. Для большинства образованных русских до войны французский считался вторым родным языком, и Борис с французским атташе стали вскоре близкими друзьями. Часто в беседах они вспоминали довоенные Париж и Москву.

Шли недели, и в армии росло осознание того, что кампания Колчака может закончиться только катастрофой.

В конце концов офицерский совет решил, что остается только одно — прорваться на восточное побережье и попытаться отплыть в Европу.

Был сформирован отряд для прикрытия отхода основных сил, и Борис с французским другом оказались в его составе. В ходе последующих боевых действий маленький арьергард полностью окружили. Только Борису и французскому офицеру удалось вырваться из окружения, но оба оказались в отчаянном положении.

Их багаж пропал, они остались вдвоем на огромных просторах, контролируемых врагами и населенных дикими азиатскими племенами.

В одиночку француз бы не выжил, но форма русского офицера еще что-то значила в глухих деревнях.

Борис отдал французу свою шинель, чтобы скрыть мундир иностранной армии, и вдвоем они, утопая в снегу, брели по дорогам, пытаясь добраться до границы.

В итоге прибыли на территорию, контролируемую японцами. Здесь на русских смотрели подозрительно, и теперь уже усилиями французского консульства удалось беспрепятственно добраться до ближайшего французского консульства.

Борис хотел уехать в Америку к своей матери, а его другу, как человеку военному, пришлось вернуться в Париж.

При расставании они пообещали друг другу встретиться вновь, когда жизнь более-менее наладится. Но глубоко в душе каждый сомневался, что такая встреча когда-нибудь состоится.

Прошло два года. Как-то весенним днем бедно одетый русский оказался в Париже с тремя сотнями франков в кармане и всеми своими пожитками в вещмешке.

Он сильно отличался от жизнерадостного Бориса, ушедшего из военной академии, чтобы присоединиться к армии Колчака. Америка, как выяснилось, ничуть не походила на Страну Возможностей, какой он ее себе представлял.

Его мать продала драгоценности и личные вещи, которые привезла с собой, и открыла небольшую швейную мастерскую.

Борис не смог найти себе постоянную работу, два или три месяца перебивался случайными заработками, а потом нанялся матросом на корабль, отправлявшийся в Англию.

В последующие месяцы он работал официантом, шофером, профессиональным танцором, докером, пока не дошел до крайней степени истощения.

Однажды Борис случайно встретил давнего друга отца, бывшего первого секретаря посольства, а теперь парикмахера, и тот посоветовал ему отправиться в Париж, где уже сформировалась большая русская колония, даже дал денег на проезд.

Елисейские Поля только начали одеваться в молодую листву, кутюрье показывали весенние коллекции, а Борис, плохо одетый, без друзей и без денег, оказался в еще одном незнакомом городе.

Вся его наличность равнялась приблизительно тридцати шиллингам. Не зная, что с ним будет дальше, он решил последние деньги потратить на еду, а потом положиться на волю случая.

Его отец в разговорах часто упоминал ресторан «Ларн», туда Борис и направился.

Он вошел в ресторан, сел на стул с обивкой из красного плюша, стараясь не обращать внимания на то, как подозрительно поглядывают на его одежду официанты, и огляделся.

«Ларн» выглядел более спокойным и чопорным в сравнении с большими ресторанами, мимо которых ему доводилось проходить в Нью-Йорке и Лондоне, но одного взгляда в меню хватило, чтобы понять: это не то место, куда приходят бедняки.

Когда же он сделал заказ, отношение официанта тут же изменилось — он понял, что эксцентрично одетый молодой человек не нуждается в советах по выбору еды и вина.

Борис съел свежую черную икру, перепелок, вымоченных в портвейне, блины «Сюзетта», выпил бутылку марочного кларета и бокал очень выдержанного шампанского, перебрал несколько коробок сигар, прежде чем нашел идеальную.

Закончив трапезу, он расплатился с официантом. Счет составил двести шестьдесят франков. Двадцать шесть франков Борис дал официанту на чай, четыре — гардеробщику, который взял у него шляпу и вещмешок.

Полминуты спустя он стоял на бордюрном камне с тремя франками в кармане, но нисколько не сожалел об этом — он замечательно провел время, к тому же отлично поел.

Пока Борис стоял, размышляя, как жить дальше, его руку сжали чьи-то пальцы. Он обернулся, увидел модно одетого фран-

цуза, который, вероятно, только что вышел из того же ресторана, и сразу узнал своего друга, военного атташе.

Они шли по улице и говорили, говорили, говорили. Француз рассказал, что вышел в отставку, когда подошел к концу срок его службы, и теперь у него процветающая автомобильная фирма.

— И ты, я вижу, в порядке. Я так рад, что у тебя все сложилось как нельзя лучше.

— Как нельзя лучше? На текущий момент все мое состояние — три франка.

— Мой дорогой друг, люди, у которых только три франка, не едят черную икру в «Ларне».

И только тут француз обратил внимание на потрепанную одежду Бориса и понял, что устроившиеся в жизни молодые люди в такой одежде не ходят.

— Мой дорогой друг, прости меня... Я не понимал... Пойдем пообедаем сегодня у меня и поговорим о том, что можно сделать.

— Так я и стал хозяином «Кремля», — закончил Борис. — Если бы я не пошел в «Ларн» в тот день, мы бы наверняка никогда не встретились.

Мой друг сказал, что готов выделить мне долю в своей автомобильной фирме, но уверен, что человеку, который может потратить последние триста франков на ланч, сам бог велел идти в рестораны.

На том и порешили. Он помог мне с финансами, я отыскал нескольких давних друзей и сумел открыть маленький ресторанчик. Дела пошли неплохо, и теперь, как видите, я относительно богатый человек.

Последние гости заплатили по счету и, пошатываясь, направились к выходу. Борис тоже встал, чтобы проводить их.

Когда гости, выходя, откинули полог, дневной свет проник в зал, и я вдруг увидел, что обстановка здесь насквозь фальшивая и безвкусная. Убрал столы, официанты спешили к служебному выходу, чтобы переодеться. Поймав мой взгляд, Борис сразу понял, что я чувствую.

— Я знаю, — кивнул он. — Русского тут ничего нет. И в том, что тебе принадлежит популярный ночной клуб, тоже ничего нет, если ты потерял Родину. ☹

«Эсполио» Эль Греко

Ирина Опимах

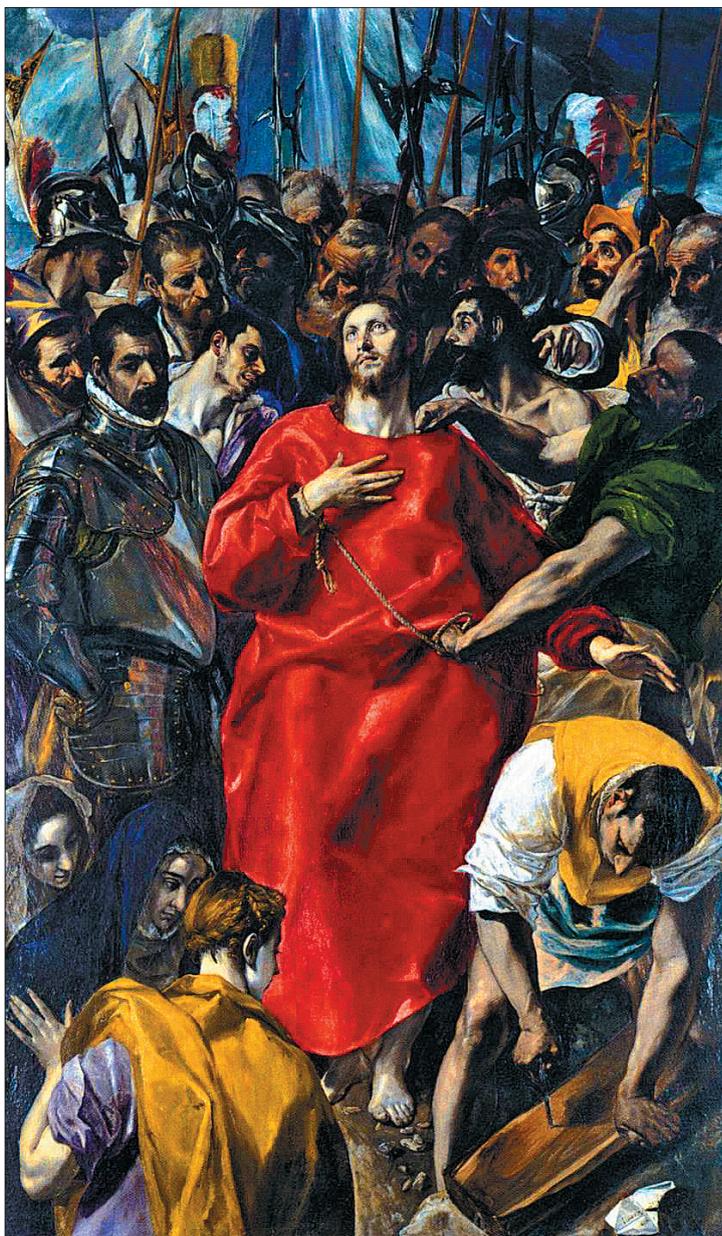
Если вы посетите старинный испанский город Толедо, вас непременно приведут в главный собор города. А оказавшись в стенах этого архитектурного чуда, вы обязательно пройдете в сакристию и сразу же увидите живописное чудо — картину Эль Греко «Эсполио» («Снятие одежд с Христа»), первую в списке эльгрековских шедевров.

Судьба ее сложилась очень непросто. Поначалу картину не принимали, а потом... художник сделал семнадцать ее копий — столь популярна стала она среди обитателей толедских дворцов...

В 1577 году, отчаявшись получить заказы в Эскориале, Эль Греко приезжает в Толедо. Почему Толедо? Да просто еще в Риме Эль Греко подружился с синьором де Кастильо, сыном декана капитула Толедского собора, и этот самый декан заказал Эль Греко для толедского собора большую картину.

Здесь, в Толедо, в этой интеллектуальной столице тогдашней Испании, Эль Греко обрел новую родину. Нашел людей, оценивших его искусство, нашел истинных друзей, а главное, был счастлив... С тех пор

«Эсполио».
Эль Греко,
1579 г.

Толедо — город Эль Греко. Все тут пропитано духом его творчества, светом его искусства...

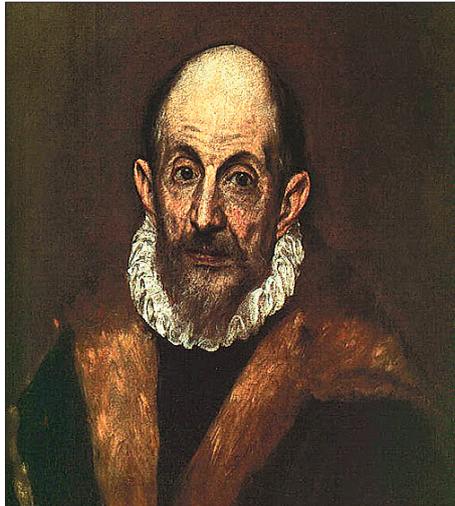
Но это произошло не сразу. Эль Греко приехал в Толедо уже сложившимся мастером, за его плечами учеба на Крите у иконописцев, работа в Риме в мастерской Тициана, его имя уже известно в Европе. И теперь, оказавшись в Толедо, он хотел показать, на что способен. Эль Греко зажил как богатый кабальеро. Снял себе часть дворца в поместье маркиза де Вильена и стал ухаживать за девушкой из благородной семьи — дочерью Херонимой де Куэвас. Через год у них родился сын, которого назвали Георгием Хорхе Манюэлем Теотокопули. При всей внешней строгости рождение внебрачных детей было в Испании обычным делом, о котором и судачили-то недолго. Венчание же откладывалось то из-за его работы, то из-за ее трудной беременности или из-за родных. К сожалению, оно так и не состоялось, потому что вскоре после родов Херонима умерла. О других женщинах в жизни Эль Греко сведений до нас не дошло. Как видно, художник очень любил Херониму, недаром ее образ — тонкий, одухотворенный, прекрасный — проходит через все его творчество...

Итак, Эль Греко (Греку) — так прозвали Доменикоса в Испании — поручено написать большое полотно для самого главного собора Толедо. Сюжет из жизни Христа было позволено выбрать самому. И он сделал этот выбор — обратился к эпизоду Евангелий, который редко вдохновлял художников того времени.

Как правило, живописцы изображали «Снятие со креста» или «Взятие Христа под стражу», «Коронование терновым венцом», «Бичевание Христа». Но Эль Греко хотелось во всем идти своим путем, не чувствуя давление уже известных и широко принятых в иконографии композиций. Он выбрал сцену, в которой солдаты-палачи срывают с Христа одежды, и создал свое «Эсполио» («Разделение риз»). Это поразительное полотно действительно совсем не похоже на те, к которым привыкли в Толедо. В центре — фигура Христа в ярко-красном хитоне. Вокруг — толпа возбужденных людей, которые заполняют все пространство картины. Жалкие, ничтожные, любопытствующие, злобные, они ждут зрелища — казни этих троих: двух разбойников и Христа. Блеск копий, шлемы, пятна плюмажей...

Собравшиеся люди оказываются выше Христа, что уже было по тем временам страшной крамолой, но это обстоятельство ничуть не умаляет значительности образа Спасителя накануне казни. Он все знает наперед, а потому спокоен и отречен, он словно уже в мире ином, где человеческие страсти и страдания ничего не значат...

В середине июня 1579 года работа над полотном была завершена, и вот тут-то начались проблемы — художник и собор никак не могли договориться о цене. Похоже, в Толедо подобное происходило довольно часто, а потому существовала даже целая процедура решения таких споров: созывались две комиссии экспертов, представлявшие спорящие стороны, и они должны были найти решение конфликта. К неудовольствию священников, эксперты заявили, что достоинства картины столь велики, что собор просто обязан выплатить художнику ту сумму, что он просит. А Эль Греко просил ни много ни мало, как 900 дукатов. Однако капитул отказался платить столь высокую цену. И тогда священники пригласили в качестве третейского судьи уважаемого в Толедо человека, знатного ювелира Алехо де Монтойя. Тщательно осмотрев картину, сеньор Монтойя заявил: «Картина лучше всех, что я видел в своей жизни, а потому цена ее должна быть столь высокой, что мало на свете людей, способных ее купить. Однако, принимая во внимание трудности, которые мы все переживаем, художнику следует заплатить три с половиной тысячи реалов!» Вердикт почтенного ювелира стал настоящим ударом для святого капитула. И тогда толедские священники, поразмыслив, придумали выход: они заявили, что картина не соответствует их требованиям: сии духовные лица обнаружили на картине грубые теологические ошибки: Дева Мария, Мария Магдалина и Мария Клеопова изображены рядом с Христом, тогда как по Евангелию они должны стоять поодаль. Эль Греко, уверенный, что все эти обвинения — полная чушь, отправился к правителю города жаловаться на священников. Дело было передано в суд, и 23 сентября начался процесс, за которым с неослабеваемым интересом следил весь город — жителям Толедо было очень интересно, сумеет ли этот приезжий художник, грек с непривычным именем, победить ученый капитул Толедского со-

Автопортрет.
Эль Греко, 1604 г.

бора. Итак, Эль Греко обвинял священников в том, что они отказываются платить за сделанную им работу, а те обвиняли его в том, что он не отдает ее им.

Впервые Эль Греко сталкивался с официальными властями. Ему было беспокойно — в Испании к чужеземцам относились весьма настороженно. Испанский он знал тогда еще очень плохо, а потому отвечал на вопросы судьи с помощью переводчика, если же вопрос ему не нравился, не отвечал вовсе.

— Где и когда вы родились?

— На острове Крит, в Венецианской Республике, в 1541 году.

— Где вы учились?

— У Тициана, Ваша честь, чей светлый гений, столь любимый императором и особенно его покойным отцом, должен был, как я надеялся, служить мне доброй рекомендацией...

— Когда вы приехали в Толедо?

— Два года назад.

— Ваше семейное положение?

Молчание...

— Почему вы не женились на матери вашего сына?

Тишина...

— Правда ли, что вас привел в Толедо заказ для монастыря Сан-Доминго?

— Я не обязан объяснять, почему приехал сюда, поскольку это не имеет отношения к делу.

А затем рассмотрение дела пошло столь напряженно, что Эль Греко предпочел замолчать совсем, предоставив дискутировать суду и обвинителям. Последние же вновь загово-

Он, ученик Тициана, ставший художником в Италии, привык, чтобы к живописцам относились с подобающим уважением, в Испании же к ним относились тогда примерно так же, как к ремесленникам

рили о еретическом содержании картины, более того, они настаивали на необходимости предать художника суду инквизиции или в крайнем случае бросить в тюрьму. Зайдя в тупик, правитель города сказал, что решение подобных вопросов вне компетенции светских органов, и предложил Доменикосу сделать все, что от него требует капитул. Эти слова произвели должный эффект. Эль Греко был вынужден согласиться с предписанием властей и пообещал написать новый вариант картины, теперь уже в строгом соответствии со Свя-

щенным Писанием. Однако новое полотно оказалось гораздо слабее первого, и священники, все же не лишенные художественного вкуса, попросили Эль Греко отдать собору первого «Эсполио». В этот раз согласие было достигнуто быстро — художник легко пошел на уступки, так как был занят новыми замыслами, чем монахи и воспользовались.

Благодаря художественным достоинствам картины, а также скандалам вокруг нее, «Эсполио» стало настоящей достопримечательностью Толедо. Картина приобрела такую популярность, что семнадцать благородных и небедных толедских горожан захотели иметь в своих домах ее копии, и художник семнадцать раз повторил свое творение! А в марте 1582 года капитул собора заказал Эль Греко раму для картины и заплатил за нее 200 тысяч мараведи — больше, чем за саму картину!

Потом в жизни Эль Греко подобных процессов было много. Он никогда не подчинялся требованиям заказчика, и при сдаче работы часто возникали проблемы. Но Эль Греко всегда осознавал, что Бог наградил его большим талан-

том, а потому требовал и достойного вознаграждения. Он, ученик Тициана, ставший художником в Италии, привык, чтобы к живописцам относились с подобающим уважением, в Испании же к ним относились тогда примерно так же, как к ремесленникам. Именно Эль Греко научил испанцев понимать истинное искусство и ценить людей, способных творить с помощью кисти и красок.

В жизни Эль Греко довелось пережить и бедность, и богатство: порой он обедал в большой компании друзей под сопровождение целого оркестра, а бывали времена, и вовсе оставался без обеда... В конце жизни он имел лишь одно сменное платье, а в 24 комнатах его дома-дворца стояли восемь стульев и два канделябра. Зато оставалась сотня книг, с которыми он не желал расставаться ни при каких обстоятельствах, даже умирая от голода. На самом деле материальная сторона жизни никогда особенно не волновала Эль Греко. Требуя достойную оплату, он просто хотел, чтобы люди научились ценить искусство.

Последние годы своей жизни художник тяжело болел. Как и его учитель Тициан, он купил себе склеп в монастыре и сказал, что соорудит на собственные средства большое ретабло, в центре которого будет Успение. И умер Эль Греко, как и его учитель Тициан, за мольбертом — он писал Деву Марию, — 7 апреля 1614 года, на Благовещенье. Последнюю работу мастера закончил его сын Хорхе Манюэль.

Похоронили художника в церкви Сан-Доминго эль Аньтгуа, в дорогом саркофаге из порфира. В последний путь его провожал весь Толедо. Спустя четыре года по неизвестным причинам захоронение было перенесено в церковь Сан-Торквато. Довольно скоро церковь была разрушена, и погребение исчезло. А потом забыли и о том, что жил в Толедо такой художник — Эль Греко. И лишь в начале XX века он был снова открыт, а его творчество стало своего рода сенсацией. Доменикос Теотокопулос, получивший в Испании имя Эль Греко, был признан одним из величайших мастеров мировой живописи.

А «Эсполио» в роскошной золоченой раме по-прежнему украшает самый главный собор Толедо, и, как всегда, люди, живущие здесь или приехавшие в этот волшебный город со всех концов мира, идут и идут к нему, дабы пережить волнующую встречу с настоящим искусством. ❧

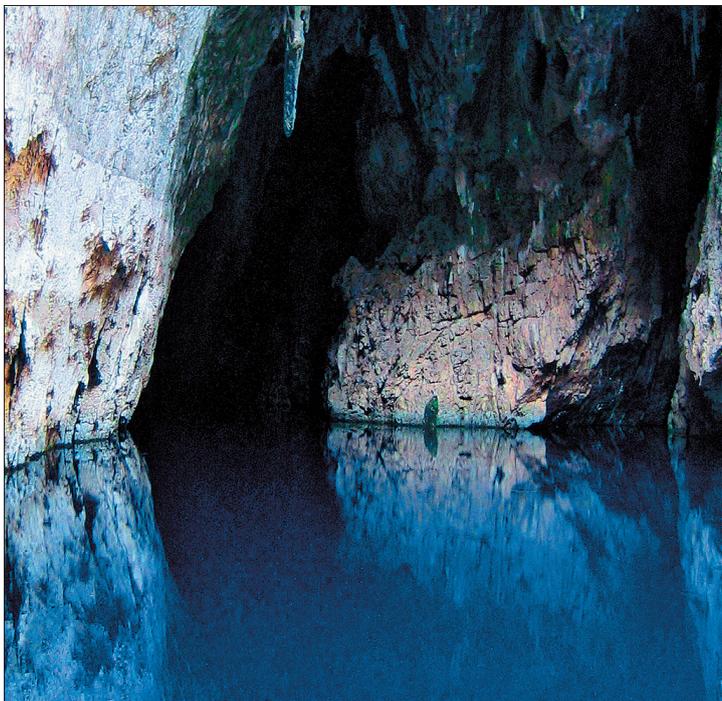
ПЕЩЕРНЫЕ ЗАГАДКИ

Денис Логинов

Порывшись в архивах, можно найти очень интересные факты и научные открытия давних времен, когда тысячи почитателей произведений Жюль Верна страстно желали путешествий, приключений и выбирали карьеру археолога, мореплавателя, астронома или геолога. Для узкого круга специалистов издавался даже довольно известный в те времена журнал «Геолоджист». В 1862 году в «Геолоджисте» была напечатана статья, заинтересовавшая тогда все археологическое сообщество.

«...недавно в городе Макупин, штат Иллинойс, в угольном пласте, покрытом 60 сантиметрами сланцев на уровне 27,5 метра ниже поверхности земли, были найдены кости человека... Они были покрыты коркой твердого, черного, как уголь, глянцевого вещества. Когда корку удалили, то оказалось, что кости под ней были белыми и естественными».

В принципе, ничего особенного, заслуживающего внимания. Но когда определили возраст угольных пластов, то обнаружили, что он исчисляется как минимум 286 миллионами лет.

Современный читатель не всегда верит фактам и историям, обрушивающимся на него с электронных страниц Интернета и с экрана телевизора. Но такова данность археологических открытий, на которых построена история человеческого вида: все наше прошлое зарыто глубоко в земле. И даже околonaучные публикации так или иначе связывают существование неизвестных человечеству явлений с подземными или подводными феноменами. Такими, как гигантские пещеры на огромной глубине с геометрически правильными туннелями, описанные Рерихами, как действующие коммуникации ушедших под землю цивилизаций, или подводные стеклянные пирамиды, в три раза превышающие размеры пирамиды Хеопса, и многое другое.

Особенно много фактов и непроверенных наукой историй связано с горами Анды в Перу.

Этот неизвестный ранее европейцам уголок земли посетила в 1848 году Е. П. Блаватская. Позже она писала:

«У нас был аккуратный план туннеля, гробницы, большой камеры — сокровищницы и скрытых вращающихся каменных дверей. Его дал нам старик-перуанец. Там хранятся сокровища, и в предании говорится, что они будут лежать до тех пор, пока последние следы испанского владычества не сотрутся со всей Северной и Южной Америки».

Сама Е. П. Блаватская и другие исследователи подземных глубин Перу были уверены в том, что практически все Анды испещрены сетью сухих огромных туннелей, уходящих в глубь континента и образующих на пересечении огромные пустоты, похожие на многоярусные помещения правильной формы. Другая часть туннелей, обозначенная якобы на древней карте жрецов храма Солнца в Куско, уходила под воду, прямо в океан. Сами Императоры Солнца вовсе не походили на местных аборигенов — кечуа, а также и на жрецов. Их внешность была полностью идентична внешности египетских фараонов.

Отсюда следует вывод, что местное население лишь служило более могущественной цивилизации, возможно, и построившей эти туннели.

Исследователи, находившие все новые и новые туннели и пещеры на всех континентах земли, говорят о единой сети подземных сооружений древности, служащей транспортной артерией для неизвестной нам подземной цивилизации, давно ушедшей в глубины земли. Причиной, по которой одна или несколько древних цивилизаций покинули поверхность планеты, считаются периодические катаклизмы космических и местных масштабов: падения астероидов, прохождение в опасной близости неизвестных планет нашей Солнечной системы, смена полюсов Земли в результате торможения и ускорения вращения планеты в крайних точках своего пути.

Кто-то говорит о древних атлантах, кто-то считает, что эти цивилизации принадлежат доатлантическому периоду, когда планете населяла раса лемурийцев.

А большинство жителей, проживающих сегодня в горном Китае и Внутренней Монголии, рассказывают о центре пересечения всех туннелей, находящемся под территорией современного Афганистана, и называют это место Шангри-Ла.

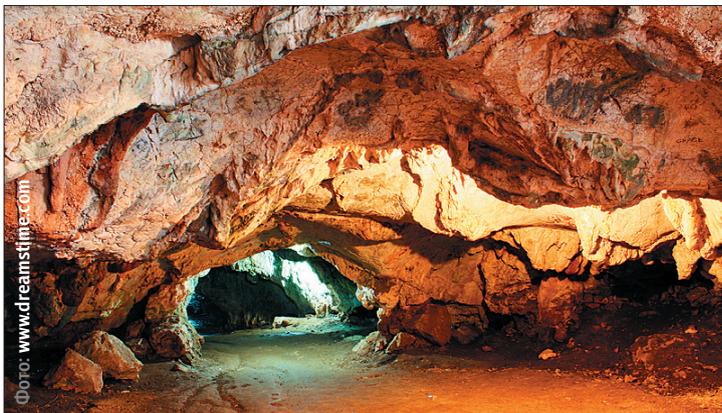

По всей видимости, речь идет о стране Агхарти, где живут потомки неизвестных нам племен.

Но узнать места входа в древние туннели очень трудно. По словам Е. П. Блаватской, это возможно, только если разгадать мистические знаки. Но эти знаки невидимы, пока на них под определенным углом не упадут солнечные лучи.

Выяснилось, что один из входов в туннель находится около Куско и ведет прямо к великому подземелью. Само подземелье распространяется на целых 380 миль. Затем туннель, увеличиваясь до гигантских размеров, поворачивает на юг и разветвляется на целую сеть более мелких туннелей под всей территорией современной Боливии. Самый крупный из этого пучка туннелей пересекает королевскую гробницу, где установлена ловушка для грабителей.

Конструкция этой ловушки в точности повторяет конструкцию ловушек Древнего Египта и современного Тибета — их устройство пока непостижимо для современных инженеров. Импульсом к действию такой ловушки служит физический вес самого грабителя. Отключить ловушку можно, только зная, как она устроена, или прочитав «инструкцию» на непонятном языке, которую еще нужно найти. Огромные каменные глыбы поворачиваются

и смыкаются так плотно, что в щель нельзя просунуть даже лезвие бритвы. Куда дальше уходит туннель, неизвестно.

Что говорят нам современные исследования? К сожалению, официальных источников по этой теме почти нет, есть только несколько отрывочных сведений исследователей прошлого века.

Так, например, упоминается некая экспедиция, обследовавшая пещеры под знаменитой пустыней Наска. Якобы эту экспедицию финансировало НАСА, и в ее составе участвовала целая группа специалистов по внеземным цивилизациям, а также нейрофизиологи и бактериологи.

Как всегда результаты экспедиции были засекречены, а на долю любопытных достались лишь сведения о том, что пещеры были найдены, но вход в них оказался перегороден такими многотонными каменными блоками, что сдвинуть их не было никакой возможности. И все же каким-то образом сквозь проемы и трещины туда просочилась группа спелеологов! Они обнаружили огромный зал с отполированными стенами, испещренными загадочными и непонятными иероглифами. Пол в пещере был выложен плиткой с орнаментом.

В центре пещеры стояло 98 каменных тумб, очень похожих на жертвенники индейцев майя, а на каждой тумбе был выбит желоб для стока крови.

В разные стороны от пещеры тянулись туннели правильной геометрической формы. В них были обнаружены многочис-

ленные человеческие останки. А один из туннелей доходил до океана и исчезал под водой.

Самое интересное, что уже в 1997 году якобы неизвестные хакеры взломали какой-то научный сайт и вышли на информацию, содержащуюся на одном из аргентинских серверов. Там были найдены фотографии человеческих останков из туннелей и материалы по их исследованию.

Оказалось, что некоторые останки принадлежат человеку-амфибии, с ярко выраженными плавниками и рыбьим хвостом.

Имеется также упоминание о другой экспедиции — американо-французской, исследовавшей в 1952 году подземелье в окрестности священного города инков Куско. Группа с пятидневным запасом пищи и воды вынуждена была две недели прождать своего заблудившегося сотрудника Филиппа Ламонтьера, который с трудом вернулся к экспедиции, но был заражен вирусом бубонной чумы.

Филипп рассказал, что видел огромные пещеры с погребальницами древних царей и огромные груды изделий из золота, которыми пещерные залы были буквально завалены. К сожалению, Филипп попал в одну из ловушек — под ним разъехались плиты, и он рухнул в пропасть, но каким-то чудом остался жив.

Как Филипп выбрался оттуда, он не помнил сам. Единственным доказательством его рассказа послужил золотой кукурузный початок, очень искусно выполненный древними мастерами. Этот початок Филипп прихватил с собой, и ныне он экспонируется в музее города Лима.

Эта история получила огласку, и тысячи перуанцев, гонимые жаждой наживы, ринулись в подземелье. Около 200 человек не вернулось, а те, кто вернулся, принесли на поверхность чуму. Власти Перу были вынуждены официально закрыть вход в пещеры.

В 2000 году доктор Рауль Сентено, не имея разрешения на исследование подземелья, попросту подкупил охранников и проник в пещеру. Продвигаясь вглубь, его группа обнаружила обширную вентиляционную систему и серебристый облицовочный материал на поверхности стен туннелей. Они оторвали кусочки облицовки, а позже исследовали его в лаборатории. Было установлено, что это алюминий самого высокого качества. Никто до сих пор не берется объяснить это явление.

Но самой загадочной экспедицией является советская экспедиция в Чили под руководством Николая Попова и Ефима Чубарина. О ней в 2005 году писал академик РАН Евгений Воробьев.

Это произошло в 1972 году. Тогда между правительством С. Альенде и правительством СССР существовали теплые дружеские взаимоотношения. От чилийцев поступила просьба помочь в возобновлении работ на старых рудных медных шахтах, расположенных в 40 километрах от города Чичуана.

После расчистки завалов был обнаружен ход, тянувшийся на 80 метров в глубину под углом в 10–13 градусов, который привел в большую пещеру, похожую на современную выработку медной промышленности. Пройдя еще несколько десятков метров, наши специалисты увидели слитки меди в форме страусинового яйца, лежащие по 40–50 штук в кучках, а также странный механизм, похожий на гигантскую сороконожку. Сороконожка обрабатывала медные жилы и собирала медь, подобно тому как пчела собирает мед.

Дальнейшее наблюдение было прервано появлением новых механизмов, «настроенных не слишком дружелюбно». Они также напоминали сороконожек, но имели маленькие размеры — около метра.

Все эти сведения носят полуофициальный характер, так как обычно ценные артефакты изымались, а информация засекречивалась.

Таинственные туннели, огромные пещеры и подземные сооружения были обнаружены не только в Южной Америке.

Немало находок существует и на территории нашей страны.

Но тут надо сразу сказать, что эти исследования принадлежат в основном энтузиастам и отдельным группам и объединениям по интересам. В 1947 году советское министерство, заведующее недрами, выпустило указ «О запрещении несанкционированных посещений подземных полостей, рудников, шахт, пещер и каменоломен». А в 1949 году вышел закон «О недрах», подтверждающий этот указ. И только в 1967 году запрет был частично снят. Расцвет спелеологических исследований наступил в 1972 году.

Особенный интерес для спелеологов всего мира представляют Жигулевские горы и подземные коммуникации, обнаруженные на Самарской Луке. Еще ученый-этнограф,

профессор Л. Н. Гумилев установил, что рождение новых народов на земле не случайно, а строго ограничено соответствующими территориями. Он разработал «оси пассионарных толчков» и вывел следующую закономерность: все мини-территории, на которых когда-нибудь возникали новые народы, сходятся в двух точках планеты: в Нубийской пустыне, в 500 километрах от великих пирамид, и в районе Самарской Луки. Самарская Лука породила древнейшую и загадочную абашевскую цивилизацию. Но эта цивилизация была кем-то или чем-то также загадочно уничтожена или трансформирована. По легендам, которые до сих пор рассказывают местные жители, уничтожали эту культуру таинственные змеи-люди, или «дети Раха», обитавшие в подземельях Жигулевских гор. Даже древнее название реки Волги звучит как «Ранхи».

Предания рассказывают о нечеловеческих способностях змей-людей. Они могли убивать взглядом, свободно перемещать свое сознание из тела в тело, владели телепортацией.

Именно из этих легенд произошли сказания о великих подземных городах под Самарской Лукой, сообщающихся с дальними заморскими странами...

Действительно, земные глубины таят в себе много загадок. И как знать, может быть, долгожданная встреча с вышестоящим разумом состоится не в далеком космосе, а тут, у нас, на нашей родной планете. И нечеловеческий разум, который так долго и упорно ищут все ученые всех времен и народов, окажется вполне земным. ◻

Андрей Дышев

Раб

1

Кабанов трижды за минувший вечер заходил в ресторан, выбирал столик в самой середине зала и рассеянно листал плотные, защищенные пластиком страницы меню. Он вовсе не был голоден. Мало того, его уже тошнило от еды. В пятом часу утра, осилив под конец только две ложки монастырского гювеча и сдвинув горшочек на край стола, Кабанов громко икнул и сказал самому себе: «Все. Больше не могу. Сейчас лопну!»

Но ему все равно чего-то хотелось, и это неутоленное желание, призрачное, как утренний туман, было мучительным. Тем более мучительным, что Кабанов располагал приличной суммой денег, шальных и легких, на которые можно купить все что угодно. Проблема состояла только в том, что Кабанов никак не мог определить, чего ему еще хочется.

Он спустился в большой игровой зал, выгреб из кармана оставшиеся фишки и небрежно кинул их на зеленое поле, словно пивные пробки в мусор. У него столько денег! Ему хочется потратить их! Но на что? Ночь подходила к концу, скоро придется ехать домой. А там хоть и красивая, но избалованная жена, которая любит выворачивать его карманы и прекрасно знает, на что тратить деньги. Она без запинки может перечислить два десятка расходных статей: две дюжины сеансов в солярии, столько же — в сауну, к визажисту, к стоматологу, к пластическому хирургу, к модельеру, на массаж, на пирсинг, а также требуется обновить осенние сапоги, и Ромочке нужны новые ботинки, и давно пора поменять кухонный гарнитур, и надо материально помочь маме, и... в том же духе, долго и бесконечно. Какая тоска!

Кабанов оглядел зал — казино постепенно пустело. Наступил понедельник, короткий рабочий день — не до шести утра, как обычно, а до пяти. Крупье, официанты и путаны теряли к засыпающим клиентам интерес и все чаще отвлекались на подсчет выручки. В игровом зале появились уборщики, суетные и ловкие, как тараканы. Мясистые представители службы безопасности, скрывающие за доброжелательными улыбками свою конченостную сущность, спрашивали у клиентов, не желают ли они покинуть заведение. Никто не отказывался.

У Кабанова появилось странное чувство, будто он недоед, недопил, не сделал еще кучу интересных и приятных дел, хотя по-прежнему был раздут, как дирижабль. Он с досадой направился к выходу и в дверях дал швейцару чаевые — первую попавшуюся купюру, которую нащупал в кармане пиджака, думая, что это традиционная тысячная бумажка. Оказалось, что отдал сто баксов, но сетовать было поздно. Швейцар ошалел от такой невиданной щедрости, ахнул и тотчас принялся целовать руку Кабанова. Довольный своим небывало широким жестом, Кабанов сел за руль «мерседеса», запустил двигатель, магнитола, кондиционер, видак, а также навигационный прибор для определения своего местонахождения. Приборная панель замерцала и заискрилась, колонки буквально содрогались от музыки. Кабанов медленно поехал по темной улице. Управлял лениво, одним пальцем, будто и не управлял вовсе, а лишь подсказывал машине, куда и с какой скоростью ехать. Чувство неудовлетворенности не проходило. Так рано он еще никогда не возвращался из казино. Ехать надо было в свой микрорайон прямо, но на первом перекрестке Кабанов неожиданно свернул — так захотелось оттянуть момент возвращения домой, когда он откроет ключом дверь квартиры и окажется среди опостылевших стен, где сонно бурчит жена, пахнет рыбными котлетами, валяются под ногами вечно грязные ботинки Ромочки, а в раковине — гора немойтой посуды...

Сейчас Кабанов принадлежал самому себе, и потому был почти счастлив. Роскошная машина тихо везла его по спящему городу, а милиционеры провожали ее завистливыми и злобными взглядами — останавливать не было повода.

Кабанов катился по сырым затуманенным улочкам, сворачивая без всякой цели то налево, то направо, пока не обнаружил, что выехал за пределы города. Он придавил педаль газа, и машина

помчалась по пустынному шоссе. Трудно сказать, сколько времени Кабанов упивался скоростью, но притормозил он лишь тогда, когда увидел идущего по обочине деревенского старика в пиджаке, кепке и кирзовых сапогах. Услышав шум мотора, старик остановился и замахал большой расплющенной ладонью. Наверное, в утреннем тумане сверкающий «мерседес» представился ему или запряженной телегой, или сельским автобусом. Только так можно было объяснить необыкновенную дерзость селянина, осмелившегося махать рукой столь дорогой машине.

И тут Кабанов удивил самого себя — съехал на обочину и остановился. Барабанил пальцами по кожаной оплетке руля, смотрел в боковое зеркало на старика, который спешил к машине, шаркая тяжелыми сапогами и поправляя на ходу кепку. Наконец предрассветный путник приблизился, склонился перед тонированным стеклом и робко постучал в него костяшкой пальца.

— Эй, дедуля, я тут! — отозвался Кабанов из другого окна.

Старичок обошел машину, отыскивая того, кто подал голос, и Кабанов успел рассмотреть его неопределенного цвета брюки и сморщенный на спине пиджак. Интересно, этот ходячий этнографический экспонат осознает, рядом с какой машиной ходит?

— До Кукушкино довезешь? — спросил старичок.

— А где это твое Кукушкино? — Кабанов с интересом рассматривал аборигена, пытаясь разглядеть в его глазах отражение этой до нелепости неправдоподобной ситуации.

— А недалеко! — как ни в чем не бывало ответил старичок, махнув рукой в сторону леса. — Немножко проехать по большаку до Пашнево, а оттуда через ферму на Закуток, и как раз будет поворот на Кукушкино.

— А моя машина там проедет?

— Чего ж не проедет? Колеса ж есть, — улыбнулся наивно-сти водителя старичок.

— Ну, садись, — и Кабанов открыл дверь.

Старичок кряхтел и втягивал голову в плечи, забираясь на сиденье.

— Ну, как? — заботливо спросил Кабанов, сенсорными кнопками управляя положением сиденья. — Удобно, дедуля?

— Да ничо.

— Небось на такой машине даже во сне не катался?

— А чего ж не катался? — неопределенно возразил пассажир и стал тыкать пальцем в стекло, показывая, куда надо свернуть.

Заметно посветлело. Часы бортового компьютера показывали без трех минут шесть. С полей на дорогу рваными волнами выплескивался густой туман. Кабанову вдруг захотелось по малой нужде. Он снизил скорость и, остановившись посреди дороги и выдернув на всякий случай ключи, вышел из машины.

Вокруг стояла глухая тишина. Поеживаясь от сырого холода и начиная неудержимо зевать, Кабанов отошел на обочину и спустился на пружинистую пастбищную травку. Благодарить! А воздух какой! А тишина! Но эту тишину неожиданно нарушил мелодичный перелив кабановских часов: пробило ровно шесть.

И тут за спиной ка-а-ак шархнет! Оглушительный взрыв кинул его вперед, на мокрый репейник. Кабанов едва успел выставить руки, в которые тотчас впились колючки, и повалился на траву. Над его головой что-то просвистело, и рядом, сотрясая землю, упало дымящееся колесо, звонко подпрыгнуло и покатилось в туман. Перевернувшись набок, Кабанов увидел, что на том месте, где только что стояла его машина, чадила грудa рваного железа. Оба передних колеса раздвинулись, словно крылышки, задних вообще не было. Дверь, смятая, как фольга от шоколадки, болталась на одной петле.

— Моя машина! — прошептал он, поднимаясь на ноги и очумело глядя на черное безобразие, подменившее собой его роскошный «мерседес».

Кабанов не пытался найти хоть какое-либо объяснение страшному безобразию. Версия родилась как бы сама собой: это старик, падла, что-то натворил, это он тронул какую-то непозволительную кнопку на панели, или сунул окурочок в бензобак, или одновременно включил первую передачу и задний ход, оттого машину и разорвало!.. Стиснув кулаки, он пошел прямо на чадящее жерло.

— Ты где, дебил унавоженный?! Что ты наделал, подсолнух вяленный!

Поиски пассажира могли продолжаться неопределенно долго, если бы Кабанов не наступил на что-то мягкое, пружинистое, напоминающее наполненную водой грелку. Опустив глаза вниз, он глухо вскрикнул и отскочил в сторону. На траве лежала обугленная человеческая рука с желтоватыми, неровно обломанными

ми ногтями. В самой руке ничего страшного не было, но Кабанов только представил на мгновение, какая участь постигла оставшиеся части стариковского тела, и схватился за голову.

— Это что, блин... Это что... — забормотал он, чувствуя, что ему становится дурно и мысли стремительно покидают черепную коробку, словно голуби — тесную клетку.

2

Потом весь мир, который он мог осознавать, заволокло густым туманом, и все исчезло. Впрочем, покинутая Кабановым реальность время от времени легкими прикосновениями напоминала о себе: то скрипом телеги, то пряным запахом сена. Тело Кабанова занемело, особенно руки, он не чувствовал их и потому не мог определить своего положения в пространстве, не мог понять, стоит он, сидит или лежит. А может, висит вниз головой, словно летучая мышь? Во рту было сухо, тяжело, язык не поворачивался. Несколько раз Кабанов пытался изменить положение головы, но тотчас ударялся затылком о какой-то предмет. Может быть, это вовсе не он ударялся, а его ударяли, но разобратся в этом было решительно невозможно.

Наконец наступил момент, когда Кабанов понял, что сознание вернулось к нему в полной мере, и тут же почувствовал, что руки его связаны за спиной, ноги не шевелятся, рот заполнен какой-то дрянью, а на глазах тугая повязка. Кабанов мычал и ворочался, тыкаясь носом в пахнущую подвальной сыростью землю. Его пугала темнота, отсутствие звуков и кладбищенский стылый воздух. Он попытался встать на колени, но мучительно не хватало дополнительной точки опоры. Уж не похоронили ли его заживо? Эта мысль была настолько страшна, что Кабанов утробно замычал и попытался разорвать веревки, которыми были связаны его руки.

И вдруг — нежное прикосновение к его лбу! Повязка сползла с лица, и Кабанов увидел прямо перед собой наполовину скрытое тенью лицо. Так как единственным источником света была горящая свеча, торчащая из пустой консервной банки, Кабанов не сразу понял, кто стоит перед ним на корточках — мужчина или женщина?

— Как от него вкусно пахнет, — раздался хриплый голос, и затененное лицо стало приближаться к щекам Кабанова. — Одеколоном!

В какой-то момент человек выдвинулся из тени, и Кабанов увидел перед собой лицо женщины. Но какое это было лицо! Над Кабановым, будто осиное гнездо, повис отечный, в красных шишечках, нос. Под могучими лохматыми бровями воспаленно слезились узко поставленные глаза. Лоб высотой в два пальца незаметно переходил в лысину, выбритую несимметрично, в большей степени над правым ухом. Над левым же буйно разрослась волосатая путаница. Кончики волос заплетены в крысиную косичку, с белой тряпочкой на конце, а мочки проколоты, в одной проде-то металлическое кольцо для ключей, а во второй — медная канцелярская скрепка. Шею незнакомки туго стягивал разлохмаченный шарф, а глубоко декольтированная кофточка открывала отчаянно выступающие ключицы.

Кабанов подумал, что лучше бы его закопали заживо, но одного, в персональной могиле. В отчаянии он начал судорожно двигать руками и ногами, пытаясь освободиться от веревок.

— Что ж ты такой нетерпеливый! — захохотала страшная женщина и подобралась ближе к рукам Кабанова, чтобы развязать узлы. Опасаясь снова потерять сознание, Кабанов уперся носом в землю, жадно втягивая ее прелый аромат.

Едва женщина освободила ему руки, как Кабанов оттолкнул ее от себя и стал ползком пятиться, но вскоре уперся в холодную земляную стену. Он вырвал изо рта тряпку, отшвырнул ее в сторону и, вращая во все стороны глазами и растирая онемевшие руки, крикнул:

— Где я?!

— В раю! — захихикала женщина.

Вдруг Кабанов заметил еще одного человека, сидящего в темном углу на деревянном ящике. Это был мужчина с лохматой бородой, в черной потрескавшейся куртке из кожзаменителя и в плешивой кроличьей шапке, не по размеру маленькой, невесть как прикрепленной к круглой лысой голове.

— Пинжак с негоними! — произнес он с сильным азиатским акцентом.

— Пиджачочек, пожалуйста, — весело попросила страшная женщина и пошевелила кривым пальцем.

— Какой еще пиджачочек?! — Кабанов с усилием поднялся на ноги. Поняв, что его собираются ограбить, он закричал еще громче: — Хватит!!! Прекратите!!! Здесь есть милиция?!

— Я вместо нее, — нехорошо рассмеялся мужчина. — Пиджак снимай! Или бесплатно тут жить хочешь?

— Ничего я не хочу! — не на шутку испугался Кабанов. — Как отсюда выйти?

— Только ногами вперед! — ехидно ответила страшная женщина.

Она надвигалась на него, шевеля пальцами, и Кабанов с отчаянной силой прижался к земляной стене. Он бил в нее кулаками, выл, отплевывался, но, наконец, сдался, молниеносно снял пиджак и набросил его на пятнистую голову страшной женщины.

Азиат нетерпеливо дожидался добычи. Страшная женщина, обнюхивая пиджак, как служебная собака, засемила к азиату, а когда приблизилась к нему, пошла вприсядку и прыгала вокруг него все то время, пока он деловито выворачивал карманы пиджака.

Кабанов, наблюдая за этим, пребывал в состоянии, близком к умопомешательству. «Может, я отбросил копыта, — думал он, — и это уже загробное царство?»

Пошарив руками в темноте, он наткнулся на шероховатый древесный столб, подпирающий черный потолок. Вырвать его не удалось, столб стоял насмерть. Тогда Кабанов опустился на корточки и стал шарить под ногами. Тем временем азиат извлек из карманов пиджака связку автомобильных ключей и несколько смятых долларовых купюр. Вообще-то, все деньги Кабанов держал в бумажнике, который остался в машине и, по-видимому, испарился при взрыве. Эти купюры ему дали на сдачу в казино, и он сунул их в пиджак машинально. К автомобильным ключам азиат проявил слабый интерес и, сняв их с кольца, затолкал в карманы, а кольцо кинул страшной женщине, которая неимоверно обрадовалась подарку. Доллары азиат внимательно рассмотрел, аккуратно сложил стопочкой и сунул в обвисшие карманы куртки. Напялив поверх нее кабановский пиджак, он осмотрел себя, подергал за обшлага и обратился к женщине:

— Я буду в кабинете.

Но не успел азиат подняться с ящика, как Кабанов медленно, но размеренно двинулся на него.

— Быстро снял пиджак, чурка недоделанный! — громко потребовал он, давно уверовавший в то, что его внушительная комплекция вызывает у людей чувство страха.

Мало того что азиат не испугался, он вдруг ловким движением выдернул из-за пояса тонкую заточку из гвоздя и ткнул ею в живот Кабанова. Нападение несло скорее демонстративный характер и не преследовало цели пропороть Кабанову внутренности. И все же Кабанов почувствовал слабый укол и едва удержался на ногах.

— Будешь знать, на кого руку поднимать, — нравоучительно заметил азиат, пряча заточку за пояс. — Козел ты кизилский!

Теря остатки воли, Кабанов вернулся на то место, где пришел в сознание, сел на землю и, обхватив руками колени, мелко задрожал.

— Ты что ж споришь с ним? — испуганно зашипела страшная женщина.

— Я хочу отсюда уйти. Где тут выход?

— Нет тут выхода.

— Хватит пургу нести, — пробормотал Кабанов, глядя, как исчезает в глубине темного прохода азиат. — Везде есть выход.

— Везде есть, а здесь нет, — вяло возразила страшная женщина, пробормотала, что ей пора на репетицию, и растворилась в темноте.

Куда ж это его занесло? То ли катакомбы, то ли подвал, то ли землянка. Он сам забрел сюда, или его кто-то притащил?..

Кабанова подгоняло желание поскорее выбраться из этого бомжатника на свежий воздух. Прикладывая ладонь к глиняной стене, он пошел в ту сторону, где мерцал впереди тусклый свет, и вскоре очутился — нет, не в комнате, а в какой-то норе неправильной формы. По кругу стояло несколько столов, за ними сидели женщины — Кабанову показалось, что их три, но, возможно, было больше. При тусклом свете свечей женщины вышивали на пальцах. Каждая обхватывала левой рукой раму с натянутой на ней красной тканью и ловко орудовала иглой. Никто из них не обратил на Кабанова никакого внимания. Под низким сводом раздавалось тихое занудное мычанье, отдаленно напоминающее пение.

— Как отсюда выйти? — спросил Кабанов, обращаясь ко всем работницам сразу, но не получил ни ответа, ни взгляда.

Пение не прерывалось, вся нора была наполнена вибрирующими монотонными звуками: «Му-ма-ми-ма... Ма-ма-ми-мо... Биииии-бизииии...»

Кабанов решил, что над ним издеваются. Задыхаясь от злости, он огляделся вокруг, словно выбирая, кого побить первой, и вдруг увидел небольшую дыру в стене, достаточную для того, чтобы пролезть в нее на четвереньках. Желание убраться отсюда было сильнее желания раскидать теток по углам, словно тряпичных кукол. Кабанов опустился на четвереньки, полез куда-то в темноту, а потом, неосмотрительно резко встав на ноги, ударился темечком о глиняный свод, с которого тут же свалился приличный кусок прессованного песчаника.

Он долго стоял, согнувшись в три погибели и потирая ушибленную голову, пока его глаза привыкали к мраку. Того ничтожного количества света, которое проникало через дыру, хватило, чтобы увидеть похожие на багажные полки двухъярусные нары. Кое-где валялись подозрительного цвета тряпки. С верхних полок свисали чулки, залатанные разноцветные носки, еще какие-то серо-желтые лоскуты...

— Блин... Что же это такое? — хотел крикнуть он, но голос прозвучал на удивление глухо и тихо.

Кабанов пополз назад, к норе. Пение в комнате уже прекратилось. Сидящая в самом темном углу, где свеча уже давно догорела, Толстуха с тифозной стрижкой постучала пальцами об стол и сказала:

— Подождите, девочки. Тут лучше поделить на два голоса. Послушайте, я буду петь так... — задрал вверх комковатый подбородок, она замычала: — Бизи-бизи-бизиинииии!!! А вы в это же время чуть пониже: «Му-ма-ми-ма!» Хорошо? Давайте попробуем! И — начали!

Пение возобновилось. Но Кабанова оно вовсе не интересовало, ему казалось, что эти омерзительные существа продолжают издеваться над ним.

— Как отсюда выйти?! — закричал он и, снова не дождавсь ответа, схватил за хлипкий ворот халата какую-то маленькую худенькую женщину, похожую то ли на девочку, то ли на старушку. Тряса ее, словно шейкер с коктейлем, выдохнул прямо в мелкое обезьянье личико: — Как ты сюда попала?! Быстро говори, а то придушу!

Стройность пения нарушилась, голоса пошли вразнобой, а потом и вовсе затихли.

— Не помню, — печально ответило болтающееся в руке Кабанова существо. — Пьяная была.

Кабанов разжал руку и с надеждой в голосе обратился к Толстухе:

— Так здесь что, вытрезвитель?

— Ну, вроде вытрезвителя, — ответила за Толстуху страшная женщина, которая тоже сидела за пяльцами и которую, как оказалось, звали Зойка Помойка.

— Только лучше, намного лучше! — добавила Полудевочка-Полустарушка.

— И неужели никто не помнит, как его сюда занесли? — с отчаяньем крикнул Кабанов. — Как переодевали? Как мыли?

— А здесь не переодевают. Тут все в своем, — вздохнула Зойка Помойка, прокалывая иглой ткань.

— Лично я сам сюда пришел, — вдруг донесся откуда-то снизу сильный мужской голос.

Кабанов огляделся, но никакого мужчины не увидел.

— Проснулся? — ласково заговорила Полудевочка-Полустарушка, опускаясь на корточки. — Не спится, бедолага?

— Не спится, — буркнул кто-то из-под стола. — Все думаю о прошлом.

— Может, покушаешь? Ты уже совсем ничего не ешь. На-ка! — она сунула руку в карман халата и вынула оттуда горсть чего-то похожего на крупные семечки.

Кабанов с брезгливым страхом приблизился к столу и тоже опустился на корточки. Он не сразу увидел тощего бледного старика в красной вязаной шапочке, надвинутой на самые брови. Старик нехотя понюхал то, что лежало в ладони Полудевочки-Полустарушки, и вяло куснул.

— Кушай, кушай, хорошенький мой, — ласково приговаривала Полудевочка-Полустарушка.

— Была б охота на него «Вискас» переводить, — проворчала Толстуха.

— Так он смешной, — умиленно ответила Полудевочка-Полустарушка, глядя старика по шапочке.

Медленно разжевывая твердые комочки, старик посмотрел на Кабанова.

— Я вот сам сюда пришел, — медленно произнес он, и взгляд его, пронзив Кабанова, сфокусировался где-то в далеком про-

шлом. — У меня спросили: «Хочешь быть великим и богатым?» Я говорю: «Хочу, хочу, хочу!!!» Сначала меня повезли в машине, потом дали очень вкусный напиток и сказали: «Иди и властвуй!»

— И что дальше? — нетерпеливо воскликнул Кабанов. — Ты пошел. И как ты это сделал? Где эта дверь?

— А дверей здесь нет. Зачем нам двери? — пожал угловатым плечом старик.

— Хватит, солнышко мое, хватит! — сказала Полудевочка-Полустарушка, высыпая в карман оставшийся корм, и повернулась к Кабанову: — Хорошенький, правда? Это наш бывший Командор.

— Бывший? — переспросил Кабанов. — А кто настоящий?

— Как кто... — не поднимая головы, откликнулась Зойка Помойка. — Тот, кому ты пиджачочек подарил.

— Азиат, что ли? — воскликнул Кабанов. — Где он? — скинув Полудевочку-Полустарушку с табурета, он схватил его за ножку и поднял над головой.

— В своем кабинете, — ответил кто-то из женщин, и Кабанов ринулся в темный коридор, пиная ногами стены, чтобы по звуку найти дверь кабинета.

От удара ногой вдруг гулко загремела железная дверь. Кабанов на ощупь попытался найти ручку, но дверь была совершенно гладкой, без каких-либо выступающих деталей. Он ударил по ней еще раз — лязгнул засов, дверь широко распахнулась, и Кабанову пришлось отскочить назад. На пороге стоял азиат. Он по-прежнему был в кабановском пиджаке, надетом поверх куртки. Командор заслонял собой почти весь дверной проем, и все же Кабанов увидел сумрачную комнату с необыкновенно высоким потолком, посреди которого темнела крышка продолговатого люка. Через потолочные щели проникали тонкие лучи света, и пылинки делали их похожими на длинные мутные сосульки. Вдоль стен были раскиданы грязные подушки, а дальний угол был даже застелен протертой ковровой дорожкой. Но самая разительная особенность «кабинета» заключалась в том, что здесь, как показалось Кабанову, был чистый, свежий воздух. У Кабанова даже голова закружилась, и желание вырваться на свободу стало просто невыносимым.

— Выводи меня отсюда, пока я тебе башку не проломил! — закричал он и замахнулся табуреткой.

Командор ничего не ответил. Он молча протянул руку к лицу Кабанова, и вместе с чистым, свежим, как горный родник, возду-

хом в легкие Кабанова попала струя нервно-паралитического газа. Дыхание перехватило, глаза обожгло острой болью. Потеряв ориентацию, Кабанов машинально шагнул вперед, и тотчас ему на голову обрушилась табуретка...

3

И снова Кабанов открыл глаза, и снова увидел подпирающие низкий глиняный свод бревна, и ящик, и блики свечей на холодных влажных стенах... Он вскочил на ноги и принялся колотить кулаками по стене.

— Отпустите меня! Отпустите! Я хочу домо-о-о-о-ой...

Мужество покинуло его окончательно. Кабанов кинулся в темноту, вглядываясь в нее безумными глазами, ударился о невидимую стену, свернул куда-то, устремился вниз, в черный зев узкой штольни, споткнулся о кучу песка и упал.

— Где я? Где я? — бормотал он, ползая по песку и ничего не видя.

Его окружала могильная темнота. Было так страшно, как никогда раньше. Он метался из стороны в сторону, натываясь на шершавые неровные стены, бился головой о низкий песчаный свод, и песок уже скрипел у него на зубах, и сердце готово было разорваться, но вдруг где-то впереди блеснул огонек. Кабанов с воплем кинулся к нему и едва не снес Зойку Помойку. Страшная женщина держала в руке свечу и с улыбкой смотрела в безумные глаза Кабанова.

— Ты что ж это? Заблудился?

— Там... я... потерял выход... — тяжело дыша, бормотал Кабанов, хватаясь за руки женщины и озираясь на страшный зев штольни. — Темно... ничего не видно...

— А там у нас песчаный карьер. Там мы добываем наше главное природное богатство... Ох, ты, бедненький! Тут сначала все путаются. А потом ходят с высоко поднятой головой!

— Я не хочу... — бормотал Кабанов, — ходить... с высоко поднятой... Мне надо домой...

— Домой? — усмехнулась Зойка Помойка. — А ты разве не дома? Пойдем-ка, поспишь немножко. Кровати у тебя своей нет, но, так и быть, полежи на моей...

У Кабанова уже не было сил ни возражать, ни сопротивляться. Держа Зойку Помойку под локоть, словно слепой поводыря, он зашел в нору, где женщины по-прежнему вышивали и тянули свою «ма-му-ми-му».

Зойка проскользнула в угловой закуток, словно хорек в свою нору, поставила свечу в пустую консервную банку, сгребла с верхней полки кучу тряпья и скомандовала:

— Ложись! А я вышивать пойду.

Оставшись один, Кабанов некоторое время прислушивался к доносящемуся пению и вдруг услышал, как под ним, ярусом ниже, кто-то ворочается. Свесив голову, он увидел Бывшего Командора. Натянув шапочку на глаза, старик тяжело вздыхал и гремел костлявыми ногами.

— Эй! — позвал его Кабанов. — Старик!

Но Бывший либо не услышал его, либо поленился отвечать. Кабанов снова вытянулся на полке, закрыл глаза и не заметил, как уснул...

Проснулся он от оживленного гомона. Сердце сразу наполнилось тревогой и проворно заколотилось. Кабанов огляделся, увидел сырые стены, плавно переходящие в низкий свод, засаленные нары, развешенное на веревках тряпье, и пробудившаяся тошнота подкатила к горлу. «Что же это со мной? Увидела бы меня сейчас моя жена!»

Мысль о жене, тонкой и изящной красавице Ольге, тотчас обожгла сознание невыносимой тоской. «Прочь, прочь отсюда!!!»

Кабанов сполз вниз, продолжая удивляться царившему оживлению. Женщины, возбужденно переговариваясь, торопливо заканчивали работу с пальцами, сматывали нитки, втыкали иголки в поролоновые подушечки. Бывший Командор, покашливая, бродил между столов, давал какие-то советы, но его никто не слушал. В черноте прохода угадывался мрачный силуэт азиата, а пламя свечей придавало его лицу зловеще-красный оттенок.

— Поторапливаемся, девочки! Поторапливаемся! Срочный заказ!

Первой из мастерской выскочила Толстуха, и Командор вручил ей лопату. Следом за ней лопату получила Зойка Помойка. Самая большая лопата досталась Полудевочке-Полустарушке. С трудом взвалив ее на плечо, невесомое существо строевым шагом удалилось в штольню.

Затем Командор протянул лопату Кабанову и выжидающе уставился на него.

— Что это? — не понял Кабанов.

— Лопату не узнаешь, крокодил ты калифорнийский? Быстро взял и пошел песок грузить!

— Песок грузить? — криво ухмыльнулся Кабанов. — Нет, дружбан, это слишком большая честь для меня.

— Как хочешь, — не стал настаивать Командор. — Но запомни: кто не работает, тот не кушает. — И растворился в темноте.

Кабанов сел на стол Толстухи, откуда хорошо просматривался коридор, и стал наблюдать за процессом. Сам карьер он видеть не мог, лишь слышал доносящиеся оттуда возгласы да дружный скрежет лопат. Но спустя несколько минут из штольни вышли Зойка Помойка и Полудевочка-Полустарушка с носилками в руках. Пригибаясь под тяжестью песка, они прошли по коридору и, к удивлению Кабанова, занесли носилки в кабинет Командора. Вышли они оттуда с пустыми носилками и снова исчезли в черном зеве штольни. Затем появились снова, и в третий раз, и в десятый... Женщины без передышки таскали песок в комнату, огороженную от коридора железной дверью.

И вдруг Кабанов явственно услышал гул мотора, доносящийся оттуда. Лязгало, скрежетало железо, вращались шестеренки какого-то механизма.

«Наверняка песок при помощи лебедки поднимают наверх, — подумал он. — И вся эта механизация установлена в кабинете азиата».

Пользуясь тем, что остался в одиночестве, Кабанов осмотрел швейную мастерскую, порылся на столах и под ними. Он сам точно не знал, что хочет найти, может, какой-нибудь подходящий острый предмет, может, какую-нибудь еду. Последнее, что он ел, был монастырский гювеч. Сколько прошло с тех пор времени, Кабанов не помнил, но голод давал знать о себе все сильнее. На столах ничего не оказалось, кроме швейных принадлежностей и немыслимого количества тряпичной рвани, из которой, по-видимому, женщины шили себе простыни и одеяла, поэтому он впал в состояние глубочайшего уныния.

Тем временем работа в карьере подошла к концу. Женщины, шатаясь от усталости, вернулись в мастерскую, на входе которой стоял Бывший и собирал мзду. Кабанов заметил, что каждая

труженица держала в руке небольшой пакет с продуктовым набором и какими-то дешевыми безделушками: платочками, блокнотиками, карандашами. Полудевочка-Полустарушка дала Бывшему упаковку мятных таблеток, Зойка Помойка — восьмушку черного хлеба, Толстуха, хоть и поворчала, что ей надоело кормить дармоеда, отсыпала ему в ладонь немного заварки и занялась стряпней. Она наполнила кастрюлю водой и пошла по столам собирать бульонные кубики и макароны. Остановившись подле Кабанова, Толстуха выжидающе посмотрела на него, затем заглянула в кастрюлю, где медленно растворялись три кубика, и сказала:

— Ну? И долго мы будем так стоять?

— Я за него сдам! — неожиданно заявила Зойка Помойка, расковыривая ногтем упаковку кубика и кидая желтый брикет в кастрюлю.

Только теперь Кабанов понял, что он включен в число тех, кто будет допущен к поеданию супа, и, прижав ладонь к губам, немедленно вышел из мастерской. В железную дверь он постучал тихо и робко, изображая на лице жалкую просящую улыбку.

— Чего тебе? — спросил сидящий на коврик Командор.

— Послушай, отпусти меня, — искренне попросил Кабанов.

— Не могу, — вздыхая, ответил Командор.

— Почему?! Если ты меня отпустишь, я тебя щедро благодарю. Я принесу тебе доллары... Ты скажи, что тебе нужно, я тебе все принесу.

— А у меня все есть, — махнул рукой Командор.

— Зачем я тебе нужен? — продолжал Кабанов. — Отпусти меня. Я чужой для вас. Я вообще не из этих мест...

— А кто работать будет? Я? — усмехнулся Командор, откидываясь на подушку. — Да отсюда и не уйдешь, — он поднял глаза к потолку, где на железных тросах висела платформа, которую Кабанов в прошлый раз принял за крышку люка.

— А если меня на ней поднять наверх? — предложил Кабанов, еще ничего не понимая.

— Так управление сверху, — ответил Командор, глядя на платформу. — Когда захочет — поднимет, когда захочет — опустит.

— Кто захочет? — не понял Кабанов.

— Бог, — совершенно серьезно ответил Командор и сложил перед грудью ладони. — Он дает нам хлеб и воду. Он заботится о нас и любит нас.

— Какая же это забота? — горячо зашептал Кабанов, приближаясь к Командору. — Когда он нас отсюда выпустит?

— Никогда. А зачем нас выпускать? Нам и здесь хорошо. У нас все есть: природные ископаемые, еда, работа.

— Ты что говоришь? Это же подвал! Тут хуже, чем в тюрьме! Как можно здесь жить?

— Мы тут уже долго живем, — невозмутимо ответил Командор. Глаза его сузились, превратившись в щелочки. — Всем нравится. Никто не жалуется... — его рука медленно заползла под подушку, и Кабанов, тут же почуяв неладное, едва успел пригнуться — над его головой тут же просвистела кочегра. — Я тебе покажу тюрьму! — вдруг закричал Командор, вскакивая на ноги.

Кабанов кинулся к двери, но Командор так сильно ударил его по плечу, что Кабанов почувствовал, как хрустнули кости. Увиливая от новых ударов, он сослепу налетел на дверную коробку и ударился об нее лбом. Обезумев от боли, подобно затравленному зверю, Кабанов кинулся туда, где было темнее всего — в штольню. Его ноги увязли в рыхлом песке, он упал и в бесильной ярости принялся лупить кулаками по песку. Кто его сюда упрятал? За какие грехи? Кто взорвал его машину? Ведь с нее все и началось! С того, что на воздух взлетел его роскошный «мерседес»! Кабанова хотели убить, но с первого раза это не удалось, и тогда его кинули в яму! Здесь он должен сгнить заживо, сойти с ума, подохнуть от голода и жажды!

— Это все, — едва слышно прошептал Кабанов, и густая темнота сомкнулась над ним.

4

Пробуждение оказалось мучительным. Из теплой бездны забывая Кабанов выползал медленно, с трудом. Голова раскалывалась от боли, перед глазами плыли темные круги. «Я умираю?» — равнодушно подумал он и снова провалился в небытие, состоящее из обрывков звуков, видений и ощущений...

Он очнулся от того, что горячая ложка коснулась его губ и чей-то голос шептал:

— Давай еще ложечку! Открывай ротик... Во-о-от так, хорошо! Умница... Теперь еще одну...

Кабанов послушно разжимал губы и втягивал в себя жизнь. На пятой или шестой ложке он устал и снова ушел из этого мира...

А очнувшись в очередной раз, почувствовал, наконец, свое тело, онемевшее от лежания. Тело распласталось на досках, словно камбала на песчаном дне. Кабанов лежал с открытыми глазами и видел перед собой край доски со взъерошенными занозами.

Он приподнялся на дрожащих руках, отрывая себя от полки, и начал спускаться вниз. Задача оказалась непосильной — потеряв равновесие, он не удержался и упал на пол. Долго так лежал, кричал и подбирал под себя руки, чтобы снова приподняться.

Прикладывая неимоверные усилия, Кабанов все-таки доковылял до мастерской. Там никого не было, если не считать Бывшего, устроившегося на полу. Из темноты коридора доносились приглушенные вздохи и скрежет лопат. «Снова песок грузят», — подумал он и, отдыхая после каждого шага, добрался до бака с водой, зачерпнул кружкой, жадно выпил. Потом зачерпнул еще раз, но вторую кружку не осилил, вылил остатки в ладонь и плеснул на лицо.

— Кто не работает, тот не пьет, — деловито заметил Бывший.

Кабанов не понял, к чему это было сказано. Он с удивлением ощупывал свое лицо, покрытое густой растительностью, тербил бороду, дергал ее, гладил, получая при этом какое-то странное удовольствие. Лицо казалось чистым, ухоженным, словно шерсть любимой породистой собаки, у которой и корма, и ласки вдоволь.

От приятного занятия его отвлек звук работающей лобовики, и в мастерскую стали заходить люди. Сначала появилась Полудевочка-Полустарушка, извалявшаяся в песке, словно цыпленок в панировочных сухарях. Она прислонилась к стене огромную лопату и, не сказав ни слова, направилась к керосинке, будто не замечая присутствия Кабанова и тем самым исключая его из числа претендентов на будущее блюдо.

За ней в мастерскую ввалилась разгоряченная Толстуха. Подбоченясь и злобно взглянув на Кабанова, она громко проговорила:

— Оклемался! Жрать не получишь, пока не начнешь работать! И в спальню не заходи, пока не сделаешь себе нары!

Трудно сказать, за что Толстуха так невзлюбила Кабанова, возможно, почувствовала в нем потенциального претендента на должность Командора. Что же касается самого Кабанова, все его мечты и амбиции ограничивались одной вожденной тарелкой супа.

И тут появилась Зойка Помойка. Толстуха при ее появлении притихла, а Полудевочка-Полустарушка, спрятав личико под платком, принялась наполнять кастрюлю водой. Зойка подошла к своему столу, присела и улыбнулась Кабанову.

— Ты уже встал? Сам? Кушать хочешь?

— Хочу, — кивнул в ответ Кабанов. — А скоро будет?

Полудевочка-Полустарушка высыпала в кастрюлю пакетик концентрированного супа и пошла по кругу. Толстуха отправила туда же свою долю и многозначительно посмотрела на Зойку Помойку. Зойка, дабы исключить какие бы то ни было недоразумения, подняла над головой два пакетика, помахала ими и тоже отправила их содержимое в кастрюлю.

Бывший, широко расставляя острые локти, подлез поближе к керосинке.

— Куда прешь?! — заорала на него Толстуха, на что Бывший безапелляционно ответил:

— У меня льготы, как у ветерана! Мне положено без очереди! Инклюзив! Пожирней, пожирней наливай! — требовал он, алчно глядя, как Полудевочка-Полустарушка черпает кружкой варево.

— Когда же ты подохнешь? — процедила Толстуха. — Без твоих льгот хоть вздохнем свободнее.

— Этот сдохнет, — философски заметила Полудевочка-Полустарушка, — а на его место новый придет.

— Но-но! — встрепенулась Толстуха. — Прошу без намеков на Командора!

Зойка Помойка поднесла миску Кабанову. Тот сначала лихорадочно черпал ложкой, но потом стал пить как из пиалы. Мутные жирные капли стекали по подбородку, Кабанов вытирал их рукой и облизывал пальцы. Опустевшую миску он тщательно протер кусочком хлеба, съел его, а потом поднял воспаленный взгляд на Зою и спросил:

— Еще есть?

Зойка будто ждала этого вопроса и вынула из кармана две теплые расплющенные карамельки. Кабанов смахнул карамельки с ее ладони, развернул липкие фантики и сунул «десерт» в рот.

— А ты что ж не ешь? — спросил он, сочно чавкая.

— Не хочется, — ответила Зойка, подбирая с пола фантики.

Кабанова стало клонить ко сну. Миску он спрятал под рубашку, чтобы ненароком никто не отнял, и, проваливаясь в слад-

кую негу, подумал: «Никогда так вкусно не ел. И чем меня кормили в дурацких ресторанах, что еда в горло не лезла?..»

5

Проснулся Кабанов от нестерпимого голода. Выздоровливающий организм требовал все больше калорий. Некоторое время он принюхивался к запахам, но ничем съестным не пахло. Осторожно высунувшись из своего убежища, Кабанов увидел, что Толстуха и Полудевочка-Полустарушка сидят за пяльцами, а Бывший, побряхтывая, ходит по мастерской кругами. Со стороны карьера доносился одинокий скрежет лопаты.

Убедившись, что никто не обращает на него внимания, Кабанов быстро пересек мастерскую, подошел к столику с керосинкой и старательно обнюхал все кастрюли и сковородки.

— А где еда? — спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Мы уже поели, — ответила Толстуха, прокалывая ткань иглой. — А твоя красавица для тебя еще ничего не заработала.

Кабанов едва сдержался, чтобы не выдать Толстухе нечто дерзкое, вроде «да подавись ты своей едой!» Голод был слишком силен, чтобы решиться на подобное, а последствия могли оказаться трагическими.

— А в долг нельзя попросить? — шутливо спросил он.

— В долг можно. Но под проценты.

— И много процентов?

— Сто в сутки.

— Да это же грабеж! — возмутился Кабанов. — Мои самые наглые кредиторы дают мне деньги под двадцать процентов в месяц!

— Ну, так иди к своим кредиторам, — усмехнулась Толстуха.

— Ладно, согласен, — с безысходностью в голосе проговорил Кабанов и тут же получил восьмушку черствого хлеба, обгрызенного по краям мышами. Хлеб слегка пригасил голод.

— Проще заработать, — посоветовала Полудевочка-Полустарушка. — Терпение и труд все перетрут. Как потрудился, столько и получил.

Кабанов постоял рядом с ней, глядя, как она ловко управляется с иглой и ниткой, и подумал, что, если за эту расшитую

фигню его будут снабжать едой, можно и попробовать. Взяв в руки пяльцы, он начал тыкать иглой, но тотчас проколол себе мизинец.

— И сколько дают за эти мучения? — спросил он, возвращая пяльцы.

— За маленький вымпел — две, а за большой — три пачки супа да пару буханок хлеба, — ответила Полудевочка-Полустарушка. — Можно еще горсть конфет выклянчить.

— Всего-то? — воскликнул Кабанов. — А за песок?

— За песок дают намного больше, — подключилась к разговору Толстуха. — Но там надо надрываться.

Кабанов боролся с искушением выпросить еще хлеба под проценты. Идти в мрачный карьер, похожий на могилу, ему не хотелось. Но голод усиливался с каждой минутой. Вскоре он уже ни о чем не мог думать, кроме как о еде. Мысленно обматеряв, Кабанов схватил лопату и вышел из мастерской.

В коридоре он едва не налетел на груженные носилки, которые волочила за собой Зойка Помойка. Взялся за ручки, с трудом оторвал их от земли и прохрипел:

— Что ж ты столько навалила?

Работа оказалась намного тяжелее, чем он представлял. Кабарга — другим словом ее не назовешь. Кабанов плелся за Зойкой, ноги его подгибались, сердце колотилось со страшной силой, голова ходила кругом. Очень скоро он понял, что надолго его не хватит. Он непременно свалится, сломает позвоночник и скончается в страшных муках. Зойка Помойка пыхтела, вся дрожала от напряжения, но тащила носилки вперед. Когда они зашли в кабинет Командора и высыпали песок в люльку, у Кабанова перед глазами уже плыли темные круги. Он покачнулся и, чтобы не упасть, сел на борт люльки.

— Вышел на работу? — раздался голос Командора. — Давай-давай. Песок подорожал, большой спрос. За семь кубов ого сколько дают!

Кабанов сплюнул и огляделся по сторонам. Из потолочных щелей струился тусклый свет, и в его лучах вдруг что-то блеснуло. Он успел увидеть, как Командор торопливо одернул тряпку на стеллаже, из-под которой выпирало нечто рогатое и бесформенное. Да это же бутылки! Настоящие бутылки с яркими этикетками! Наверняка вино! Уже тысячу лет Кабанов не пробовал

вина и даже забыл, как выглядит бутылка, сколько в ней притягательной силы!

— Ты видела? — спросил он, когда они с Зойкой вернулись в карьер. — У него на полках бутылки! Может, у этой сволочи и колбаска водится? И паштет? И сыр?

— Наверняка водится, — равнодушно ответила Зойка. — Если бы ты стал Командором, у тебя тоже водилось бы. У Командора особая еда, он с нами такой не делится.

— А кто назначает Командора?

— Никто не назначает, — удивилась вопросу Зойка. — Кто может, тот и становится Командором. Но этого хитрого ты так просто не свалишь. Он всем нравится, а Толстухе особенно. Подарки разные дарит, а самое главное, обещает в будущем отдельное жилище каждому.

— В смысле, отдельную нору? — уточнил Кабанов.

Зойка не ответила и снова взялась за лопату. А в истощенном мозгу Кабанова вдруг зародилась тайная и очень заманчивая мысль. Путь к свободе с должности Командора был самым коротким и реальным. И что еще немаловажно — еда! Обильная и качественная еда, которая будет опускаться в люльку с поднебесного потолка взамен песка. И Командор может распоряжаться ею по собственному усмотрению.

Несколько часов подряд Кабанов и Зойка Помойка таскали песок из карьера в люльку. Когда же люлька была засыпана доверху, Командор хлопнул в ладоши и приказал ждать за дверью. Выйдя из кабинета, Кабанов и Зойка повалились на пол и долго лежали без движения, лишь тяжело и хрипло дышали.

— Как ты думаешь, — прошептал Кабанов, рассматривая свои до крови стертые ладони. — Много он даст еды?

— Думаю, прилично, — осторожно предположила Зойка. — Песок дорожает. Если раньше за одну люльку мы получали по три супа, буханке хлеба, немного чаю и сладостей, то теперь по пять супов, хлеба немерено, воды хоть залейся, да еще макароны и иногда рыбные консервы.

— Скорее бы! — мечтательно произнес Кабанов и погладил свой ввалившийся живот.

Тут лязгнул засов, и дверь открылась, Кабанов и Зойка едва успели подняться на ноги. На пороге показался Командор и про-

тянул Кабанову тяжелый пакет. Кабанов ничего не сказал, лишь покорно склонил голову...

Уединившись в карьере, они поделили продукты, причем Зойка большую часть уступила Кабанову, как мужчине, которому нужно хорошо питаться. Кабанов спорить не стал и как должное принял дар.

Обед оказался фантастическим, и еще осталась целая куча продуктов! Словно сокровища, Кабанов перебирал пачки с вермишелевым и гороховым супами, пластиковый тубик с кетчупом, тяжелые кирпичи бородинского, консервы с сайрой, итальянские спагетти, пачки с крупами и многое другое. Одну буханку хлеба пришлось отдать Толстухе в качестве долга с процентами. Толстуха тотчас обменяла эту буханку у Полудевочки-Полустарушки на три карандашных огрызка синего, красного и черного цветов и, усевшись перед осколком зеркала, стала подрисовывать себе глаза.

Несколько дней Кабанов отъедался и отсыпался, а также залечивал мозоли на руках. Зойка безвозмездно уступила ему свою полку, а сама спала на полу, чем вызвала очередную волну негодования у Толстухи. Зойка отвечала на ее выпады дерзко, говорила, что она свободный человек, живущий в свободном обществе, а лежать на полу никому не запрещается. Кабанов в эти бабьи склоки не вмешивался, и громкая ругань не мешала ему даже во время сна. Теперь в нем появились новые качества, которых раньше не было: он ходил по подземелью твердой и уверенной поступью, и в глазах его уже не было прежнего раболепия и испуга...

Цена на песок стремительно росла, за каждую люльку Командор выдавал все больше и больше продуктов, и эта растущая цена позволяла не думать о хлебе насущном, а переключиться на более важные стратегические задачи.

А главной задачей была, разумеется, свобода. Методично вонзая лопату в песок, Кабанов с тоской вспоминал давно оставленный им мир. Он тосковал по большому городу, по многолюдным улицам, по гудящим машинам, магазинам, рекламным вывескам и женщинам, особенно по несчастной жене. Бедная, бедная Оля! Как она там без него?

Иногда желание вырваться на свободу становилось таким острым, что Кабанов в ярости откидывал лопату в сторону, падал на песок и, катаясь по нему, выл и стонал, а Зойка Помойка суетилась вокруг него и испуганно спрашивала:

— Что? Сердце прихватило? Ударился?

— Уйди! — сквозь зубы просил он ее, и Зойка послушно отходила в сторону.

Кабанов управлял ею, как хотел. Тощее Зойкино тело пригнудилось как нельзя кстати. Он запускал ее в узкую нору первой, Зойка с остервенением вгрызалась в песок и продвигалась вперед со скоростью крота.

— Не углубляйся! — предупреждал он ее. — Не уходи в сторону! Только прямо, прямо и прямо!

Зойка покорно слушалась, хотя как-то заметила, что у них получается тоннель, в котором вдвоем работать очень неудобно. На это Кабанов ответил, что она дура и должна помалкивать.

Когда длина тоннеля стала такой, что в него запросто вошел бы фонарный столб, Зойка радостно воскликнула:

— Да у нас настоящий подкоп получился!

Кабанов зажал ей рот ладонью, но Толстуха успела услышать эти слова, тут же заподозрила неладное и доложила Командору. Командору по большому счету было наплевать, каким образом его подчиненные добывают песок. Заказ следовал за заказом, продукты сыпались сверху как из рога изобилия, и его интересовало только количество кубометров, отправленных наверх. В том, что Зойка с Кабановым буравят грунт, как сверлом, углубляясь в его толщу, он не видел никакого криминала. Но повод, чтобы напомнить о своей власти, грешно было не использовать. Правда, это произошло позже.

6

Как-то после ужина Кабанов позвал Зойку в карьер, и там, в его самом темном закутке, открыл ей свою тайну.

— Мы роем подкоп, — прошептал он.

— Зачем? — удивилась Зойка.

— Чтобы выбраться отсюда.

— Зачем? — переспросила Зойка.

— Ты что, не понимаешь? Тебе здесь нравится?

— Нравится, — призналась Зойка после недолгой паузы.

— Здесь?! — ужаснулся Кабанов. — В этой выгребной яме?!

Здесь же хуже, чем в тюрьме! Мрак, сырость, вонь! Как тебе может здесь нравиться?!

— Здесь тепло и уютно, — начала объяснять Зойка, пересыпая из ладони в ладонь песок. — У меня своя полка. Хорошая работа. Кормежка. Никто не бьет, не издевается. С девочками песни поем. И... это... пить завязала. Нет-нет, я не хочу туда, наверх!

— Все ясно, — мрачным голосом произнес Кабанов. — Вопросов больше не имею.

— Но я буду тебе помогать! — воскликнула Зойка и с готовностью схватила за лопату.

А Кабанов молча пошел к своим нарам. Взобравшись на полку, он закрыл глаза и попытался уснуть, но тревожные мысли не давали покоя, и он ворочался с боку на бок, ожидая начала нового рабочего дня. Подкоп был его единственной надеждой, более-менее реальной возможностью побега. Тоннель достигал уже пятнадцати метров в длину и наверняка вышел за пределы дома, сарая или гаража — что там стояло наверху? Пора было копать вертикальный шурф, устремляться к свету!

Встал он с тяжелой головой, отдал Полудевочке-Полустарушке в общий котел традиционные три пачки «Гречневой каши с мясом» и, дабы не тратить попусту время в ожидании завтрака, пошел в карьер. Зойка увязалась за ним. Не успели они нагрузить песком первые носилки, как в проеме штольни появился весь личный состав подземелья со свечами в руках. Впереди, начальственно подбоченившись, стояла Толстуха, из-за ее спины, поблескивая мышинными глазками, выглядывала Полудевочка-Полустарушка, а за ней маячила белоснежная голова Бывшего. В самом конце делегации можно было различить подпухшую физиономию Командора.

— Что это вы тут... ик... химичите? — спросил Командор. — Нам все... ик... известно! Выкладывайте начистоту! — потребовал он, кивая на черный, словно зев удава, вход в тоннель: — Что это?

— Могилу тебе рою, — ответил Кабанов.

— Не шибко ли глубокая? — захихикала Полудевочка-Полустарушка.

— С точки зрения коагуляции, — задумчиво выдал Бывший, — это решение прогрессивное, нацеленное на долгосрочную перспективу.

— А кто говорит, что не прогрессивное, — с трудом подавляя очередной приступ икоты, ответил Командор. — Но этот вопрос... ик... должен решаться открыто.

Он напомнил Кабанову, что рабочий инструмент принадлежит всем, и все имеют равные права на сверхприбыль от продажи песка. Имеющиеся в наличии три лопаты и носилки временно перешли на сторону обиженного большинства, и Кабанов с Зойкой остались без дела. Точнее, Зойка тотчас переключилась на вышивку, а вот Кабанову ровным счетом нечем было заняться. С мрачным видом он бродил по подземелью, время от времени заглядывая в карьер, где работа двигалась очень медленно. За весь рабочий день натаскали только половину люльки, и Кабанов серьезно приуныл. Если дело будет продвигаться такими темпами, отдельные норы у обитателей подземелья появятся не раньше, чем через полгода. А это значило, что полгода Кабанов не получит ни лопаты, ни носилок.

Он смертельно затосковал. Страшно было хоронить надежду. Настроившись на скорое освобождение, Кабанов не мог примириться с тем, что ему придется провести в этом гнилом погребке еще неопределенно долгое время. «Надо что-то сделать с Командором! — думал он, чувствуя, как в нем зреют решительность и смелость. — Неужели я не могу дать ему в морду? Или навалиться на него, связать руки и ноги, заткнуть рот кляпом и делать то, что нужно мне, а не ему...»

Кабанов стал придумывать план свержения власти. Главная трудность заключалась в том, что Командор не доверял Кабанову и старался держаться от него на приличном расстоянии, к тому же он редко выходил из своего кабинета. Когда же на него лучше напасть?

После тщательного взвешивания всех возможных вариантов, Кабанов пришел к выводу, что переворот удобнее всего осуществить в собственном кабинете Командора, ворвавшись туда следом за носилками. Причем рядом не должно быть Толстухи, которую он побаивался. А Бывший и Полудевочка-Полустарушка вряд ли станут вмешиваться в драку.

За завтраком Кабанов почти ничего не ел, хотя внес в общий котел традиционную тройную норму, — каша не лезла ему в горло. Было страшно. Страх перешел в ужас после того, как из темноты коридора раздался голос Командора:

— Друзья мои! Цена на песок снова возросла! Пусть же богатства наших недр сделают нас еще более богатыми и счастливы-

ми! Ройте себе комнаты — большие и уютные! А тем, кто хочет нарушить наш созидательный труд, я обещаю большие неприятности.

— Так-то, — давясь кашей, многозначительно произнесла Толстуха.

— Золотые слова! — звонким эхом отозвался из кастрюли Бывший.

— Больше дела, меньше слов! — задорно пропела Полудевочка-Полустарушка и, водрузив лопату на плечо, зашагала в карьер.

Заламывая руки, Кабанов ходил по опустевшей мастерской. Его всего трясло. Зойка испуганно поглядывала на него, слепо тыкая иголкой в ткань.

— Не сиди же! — зашипел Кабанов.

— А что мне делать?

— Иди туда... к ним... и отвлеки Толстуху...

Он до хруста стиснул кулаки, вышел в коридор, направляясь к кабинету, остановился за углом и прижался к стене. Из штольни вышли Бывший и Полудевочка-Полустарушка с носилками. Старика заносило, его худые костлявые ноги подгибались. Полудевочка-Полустарушка шла впереди, высоко вскидывая коленки. У дверей они остановились. Лязгнул засов, и дверь отворилась. Кабанов, едва не теряя сознание от страха, быстро пошел вперед, схватился за дверь, оттолкнул старика, который тотчас выронил носилки, и, кинувшись на Командора, вцепился двумя руками в лацканы пиджака, когда-то принадлежавшего ему.

— Кончилось твое время! — хрипел он, толкая Командора в темный угол.

— Это мы еще посмотрим! — Командор поначалу растерялся, но потом начал оказывать сопротивление.

Продолжая рвать друг на друге одежду, оба вывалились из кабинета в коридор. И тут Кабанов услышал, как сзади заскрипела и захлопнулась металлическая дверь. От неожиданности он отпустил Командора, а тот стал спокойно поправлять на себе пиджак. Кабанов кинулся к двери кабинета с криком:

— Давай ключ!

— А нету, — спокойно ответил Командор, теребя пуговицу.

— Тогда ты фиг сюда зайдешь! — пригрозил Кабанов, тяжело дыша после короткой, но изнурительной схватки.

— А это мы еще посмотрим, — усмехнулся Командор.

Кабанов выволок из мастерской кухонный столик, придвинул его вплотную к железной двери и лег на него. Командор, прохаживаясь рядом, не преминул съехидничать:

— Ты что ж, спать тут будешь?

— И спать, и кушать, и вообще...

— Ага! — криво ухмыльнулся Командор. — Кушать скоро будет нечего! Нет песка — нет еды!

— Ничего, потерпим.

Кабанов был настроен держать оборону решительно. Ближе к ночи он натаскал песка и наполовину засыпал дверь. Зойка принесла ему ужин на сковородке. Кабанов все съел, а сковородку оставил при себе в качестве оружия. Зойка осталась ночевать рядом, на полу. Спал Кабанов чутко, просыпаясь от малейшего шума, но Командор никаких действий не предпринимал. По-видимому, все его оружие осталось в кабинете, а без него Командор чувствовал себя неуверенно, и оттого выбрал пассивную осаду.

Народ вел себя так, будто ничего не произошло. Утром женщины взялись за вышивку. Бывший залез под стол и скулил, чтобы ему подали воды. Командор не показывался из спальни, где провел всю ночь. В подземелье воцарилось затишье, пропитанное острым ожиданием смены власти.

На третий день изоляции от внешнего мира Толстуха и Полудевочка-Полустарушка объявили, что у них закончились продукты. Командор на это заявление никак не отреагировал, а Кабанов распорядился разделить на всех свои личные запасы, исключая Командора.

В томительном ожидании развязки прошло еще два дня. Кабанов волновался, но былого страха перед Командором уже не испытывал. Последняя стычка показала, что силы их приблизительно равны. Кроме того, у Кабанова была высокая цель — он рвался к свободе как одержимый. Он не мог больше жить здесь, не мог видеть эти отвратительные рожи, не мог дышать вонючим спертым воздухом. Но путь к свободе пролегал через низвергнутого Командора.

Женщины маршировали по подземелью, гремели в такт шагам кастрюлями и кружками и требовали хлеба. Командор внимательно выслушивал их требования, кивал и принимал позу Наполеона, ожидающего ключ от врат Москвы. А Кабанов, как только грохочущие женщины приближались к нему, швырял в них песком...

7

Наконец, чаша его терпения переполнилась. Изнемогающий от жажды, Кабанов оставил свой пост и кинулся в мастерскую. Сбив Командора с ног, он навалился на него всей грудью и принялся душить, неистово крича:

— Ключ давай! Ключ!

Командор хрипел, пускал пузырящиеся слюни и, как мог, сопротивлялся. Изловчившись, он схватил Кабанова одной рукой за волосы, а другой — за губу. От боли у Кабанова потекли слезы, и он вынужден был ослабить хватку. Командор только этого и ждал и швырнул жменю песка в лицо противника. Кабанов сам не заметил, как оказался под Командором. Тот замахнулся кулаком и точным ударом расквасил Кабанову нос. Кабанов взвыл от боли и отчаяния — он погибал в жутком, оторванном от цивилизации мире, глубоко под землей, среди жутких людей. Желанная свобода отдалялась от него все дальше и дальше, и ее белые крылья уже растворялись в смоляной черноте свода. Весь истерзанный истосковавшийся дух Кабанова рванулся следом за ней, и он встал в классический борцовский «мост». Командор, не удержавшись на Кабанове, свалился с него и ударился головой о ножку стола, а Кабанов проворно вскочил на ноги и снова прыгнул Командору на грудь. Тот охнул, побледнел и закатил глаза. Кабанов продолжал душить его и кричал страшным лающим голосом:

— Ключ давай! Ключ давай!

— Сдаюсь! Сдаюсь! — захрипел Командор.

Кабанов отвалился в сторону, а Командор с трудом поднялся на четвереньки и, пошатываясь, отполз под стол Зойки. После долгих поисков он вытянул из каких-то потайных глубин штанов заветный ключ и отдал его Кабанову.

— Да здравствует новый Командор! — завопила Толстуха и бросилась к Кабанову с поцелуями.

— Это достойный продолжатель нашего дела! — вторил ей Бывший.

— Что посеешь, то и пожнешь! — хмыкнула из-под платочка Полудевочка-Полустарушка.

«Я сумел! Сумел сделать это!» — думал Кабанов, оглушенный счастьем. У него немного кружилась голова, а тело казалось таким легким, словно вот-вот готово было взлететь под потолок. Ничего

подобного он никогда не испытывал в своей жизни. Триумф был абсолютный, бесспорный, не подлежащий никакому сомнению.

Крепко сжимая в одной руке ключ, а в другой горящую свечу, Кабанов направился в кабинет. Толстуха и Зойка опередили его и освободили дверь от нар и песка. Он отворил дверь и, переступив порог, с силой захлопнул ее за собой.

Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Бежать сейчас, немедленно! Он взберется по стальному тросу, на котором подвешена люлька, откроет люк и вырвется из плена. Сейчас, только сейчас! Нельзя ждать ни минуты!

Кабанов вскочил на бортик люльки, схватился за трос и стал раскачивать его, словно язык колокола. Трос ходил волнами, лязгал и скрипел где-то сверху, в темноте.

— А-а-а! — кричал Кабанов, подняв лицо в бездонную черноту. — Ааааааа!!!

И вдруг — прошло, наверное, минут десять или пятнадцать — сверху что-то загремело, скрипнули петли, и Кабанов почувствовал, как ему на лицо опустился стылый морозный воздух, невообразимо вкусно пахнущий свежим снегом.

— Разобрались? — негромко спросила темнота сверху.

Кабанов хотел что-то сказать, но язык онемел. Над ним нависала непостижимая для него абсолютная власть, не имеющая ни плоти, ни лица, только голос — ровный, равнодушный, как у автомата.

— Если хотите жрать, начинайте грузить песок, — продолжал голос из черноты. — Песка надо много.

Сверху громыхнуло железо, и все стихло.

Кабанов зажег все свечи, какие смог найти в многочисленных коробках и пакетах, сваленных в кучу на стеллаже. Потом нашел батон колбасы и стал грызть его вместе со шкуркой. «Я поднимусь наверх с первой же партией песка!» — думал он, кружа вокруг люльки.

Он был один в закрытом помещении. Впервые за много дней наедине с собой. И вокруг громоздились коробки и пакеты с продуктами. Кабанов полез на стеллаж, стащил с него коробку, в которой зазвенели бутылки. Ого! Четыре поллитровки!

И тут его потянуло на великодушные поступки. Он открыл дверь и выставил наружу коробку с бутылками. Туда же вынес пакет с хлебом, минеральной водой, репчатым луком и пожухлой мор-

ковкой. Гуляй, народ! Сегодня праздник! Свет из кабинета осветил страшные алчущие лица.

— Гуляй, народ! — властно махнул рукой Кабанов...

8

А утром он горько пожалел о том, что устроил народное гуляние. На работу никто не вышел. Даже Полудевочка-Полустарушка так напилась, что приняла Кабанова за Бывшего и попыталась надеть ему на голову кастрюлю.

— Лиж, хорошенький мой... — сипло произнесла она и снова потеряла сознание.

Зойка Помойка была единственной из всех, кому удалось подняться, но это стоило ей поистине героических усилий. Она залпом выпила две кружки воды, схватила лопату и заползла в тоннель, откуда не выходила до самого обеда. А после обеда подоспела помощь в лице остальных обитателей подземелья. Работа худо-бедно пошла, и к вечеру наверх было отправлено две люльки песка, а тоннель удлинился еще метров на пять.

Тут выяснилось одно обстоятельство, сильно огорчившее Кабанова. Когда первая люлька была полностью загружена песком, он покачал трос, давая команду на подъем, и заскочил на бортик люльки.

— Отойди к двери! — вдруг раздался голос из поднебесной тьмы.

Кабанов продолжал упрямо сидеть в люльке, крепко держась руками за бортик. Темнота терпеливо ждала, люлька не двигалась, и Кабанов неожиданно понял, что уговаривать его никто не будет, как и пугать или угрожать. Просто люлька никогда не поедет наверх, и никогда не будет у них продуктов, если он не отойдет к двери.

Пришлось подчиниться, и лебедка тут же заработала. Кабанов с тоской смотрел, как люлька, покачиваясь на тросах, уплывает вверх, и думал о том, что этим путем, каким бы он ни казался коротким и манящим, добраться до свободы невозможно. Оставался только подкоп.

Он был и рабом, и рабовладельцем. Сам работал как вол и требовал такой же производительности от других обитателей подземелья. И чем ближе тоннель подходил к заветной цели,

тем большим тираном становился Кабанов. Все подземелье единым организмом работало на тоннель. Грузные люльки уходили вверх одна за другой. Вниз опускались коробки с продуктами. Чернота платила за песок щедро. Кабанов в конце рабочего дня выносил коробки в мастерскую, позволяя народу делить еду по своему усмотрению.

Пришло время подступить к вертикальному шурфу, и дела сразу пошли хуже. Во-первых, все более проявляющиеся контуры подземной коммуникации стали настораживать народ. Кабанов замечал, как люди перешептываются и кидают в его сторону подозрительные взгляды. Одна Зойка Помойка оставалась верна Кабанову и трудилась из последних сил. Высота вертикального шурфа уже была такой, что Кабанову пришлось разобрать стеллаж в своем кабинете и смастерить что-то вроде лесов, чтобы можно было стоять. Собственно, дело двигала вперед одна только Зойка, так как все остальные занимались лишь выгребанием песка из тоннеля. Делали это по цепочке, согнувшись в три погибели. На выходе из тоннеля песок принимала Толстуха, перегружала его на носилки и вместе с Кабановым относила на люльку. За день работы едва удавалось поднять наверх одну партию.

Количество продуктов пошло на убыль, и народ стал проявлять тихое недовольство. Кабанов пригасил зарождающийся бунт обещанием в ближайшие два-три дня выдать водку. Ему казалось, что до желанной свободы осталось совсем чуть-чуть. Он уже не мог ни спать, ни есть. Бредя только свободой, Кабанов и после ужина отправлялся на карьер и волочил за собой Зойку, которая едва держалась на ногах.

И в этот момент, когда осталось вырыть каких-нибудь два или три метра, чтобы вдохнуть морозный воздух свободы, когда требовалось одно небольшое усилие, чтобы скинуть с себя, словно грязную одежду, все подземелье со всем его гнусным людом, — в этот момент песок вдруг перестал быть востребованным.

Известие прогремело как гром среди ясного неба. Не веря своим ушам, Кабанов переспросил черную бездну:

— Что значит, больше не нужен? Как песок может быть не нужен? Подшевел, что ли?

— Нет, не подшевел, — равнодушно ответила чернота. — Он не нужен вообще. Фундамент уже возвели, теперь очередь за стеновыми панелями, окнами и дверями. У вас будет другая работа.

И в люльке к ногам Кабанова опустилась дюжина свежих, ошетилившихся занозистыми заусенцами оконных рам и большой рулон наждачной бумаги.

Народ воспринял новую работу с всеобщим ликованием. Работа в карьере всем осточертела. Полудевочка-Полустарушка первой схватила приглянувшуюся ей раму, оторвала кусок наждачки и, по-турецки взобравшись на табурет, принялась с яростью тереть лохматое дерево. Вскоре мастерскую заполнил ритмичный шелест наждака, и едкая туманная пыль повисла над столами.

Весь ужас сложившейся ситуации окончательно стал понятен Кабанову, когда они с Зойкой забрались в тоннель. Поднявшись по лесам наверх, Зойка принялась бить лопатой по своду и сбрасывать песок вниз, прямо ему на голову. Стиснув зубы, Кабанов выкидывал песок в горизонтальный тоннель и очень скоро наглухо завалил выход. Пришлось остановить работу. Стоя по колено в песке, Кабанов вдруг почувствовал леденящий холодок ужаса.

— Ты что? — прошептала Зойка сверху, увидев, как Кабанов упал на четвереньки и, словно слепой, шарит под собой.

— Где выход? — шептал Кабанов. — Я закопал выход...

Наконец он нашел его и стал быстро откапывать узкий проход. Выбравшись из тоннеля в карьер, повалился на спину и долго лежал, водя языком по шершавым от песка губам... Ничего у них не получится. Вдвоем они ничего не сделают. Нужно еще хотя бы пару человек, которые будут выгребать песок из горизонтального тоннеля.

Ошкуривать сырые рамы тоже оказалось не таким простым делом, как сначала думали обитатели подземелья. Из четырех отправленных наверх рам две вернулись обратно — брак. За две рамы Кабанов получил две буханки хлеба.

— Это надувательство! — вспыхнул экс-Командор. — За такой труд всего две буханки?

— Почему не хотят брать наш песок? — подключилась к рождающемуся митингу Толстуха.

— Быть такого не может, чтоб не брали! — встрял Бывший, чью раму забраковали. — Песок всем нужен. Без него суффозия как без рук!

— Да-да! — запищала Полудевочка-Полустарушка. — Мы не можем быть бедными, потому что у нас богатое достояние! Мы должны жить богато, потому что у нас небедные залежи!

Кабанов попытался прекратить бузу, но не тут-то было! Особенно старались экс-Командор и Толстуха, вопившие во все горло:

- Мы требуем достойное питание!
- Освобождай кабинет, если управлять не умеешь!
- Подавись сам своим хлебом!
- Водку давай! Давай водку!

Кабанов и Зойка укрылись в кабинете.

— Я придумал, — прошептал Кабанов. — На дне колодца мы поставим носилки. Ты сверху будешь сбрасывать на них песок, и, когда они наполнятся, я вытащу их через тоннель за веревку!

Ничего лучше он придумать не мог. Но что делать, что делать?!

Кабанов приоткрыл дверь и выдвинул наружу коробку с водой. Это были последние запасы. Ночью, когда утихли пьяные вопли, Кабанов и Зойка тихо пробрались в карьер. Держа свечку в зубах, Зойка по лесам взобралась наверх. Сидя на корточках у горловины тоннеля, Кабанов держал конец самодельного каната и вслушивался в размеренные удары лопаты: чуф, чуф, чуф. Тонкий Зойкин свист извещал его о том, что носилки полны. Упираясь ногами в стену, Кабанов тянул на себя канат, и тяжелые носилки медленно двигались к нему. Он высыпал песок, просеивал его между пальцев, тщетно пытаясь найти хоть какой-нибудь признак жизни и цивилизации, хоть увядшую травинку, хоть пивную пробку, хоть окурочок, вдавленный каблуком в землю, но ничего не находил, кривил лицо и заталкивал носилки в основание колодца.

Все повторялось снова и снова, с отупляющей методичностью, и Кабанов перестал считать Зойкины удары, он вообще уже плохо соображал и не понимал, для чего таскает туда-сюда носилки, зачем нужна эта изнурительная пытка и почему он не спит... А когда его силы и воля вплотную приблизились к пределу, он услышал, как лопата звонко звякнула и затихла.

— Вот это да! — воскликнула Зойка.

9

— Что? Что? — задыхаясь от волнения, зашептал Кабанов и торопливо пополз по тоннелю к колодцу. Неужели свершилось? Неужели пришел конец его мучениям, и сейчас он увидит звездное ночное небо, разноцветные окна в домах, лунный свет фонарей, искрящийся снег, покрытые инеем деревья? Может быть, Зойка

уже выбралась наружу? Может, она уже стоит на коленях в снегу, воздев руки к звездам? И он тоже хочет туда! Он тоже хочет!

Кабанов добрался до дна колодца, вскинул голову и... перестал дышать. Почему не видно звезд? Почему не видно ничего, кроме ровного, малоподвижного пламени свечи?

— Что там?! — снова крикнул он.

— Дальше не копается, — отозвалась Зойка. — Какой-то большой камень...

— Какой еще камень? Откуда там может быть камень?

— Не знаю... Похоже на бетонную плиту.

— Так копай рядом!

Зойка несколько раз ударила лопатой, и всякий раз штык звонко ударялся в камень.

— И рядом тоже бетон, — с опаской произнесла она.

— Вот же дура! — заорал Кабанов. — Может, это кирпич на дороге валяется! Рой, где можешь! Обойди его!

На голову Кабанову полетели комки глины, и ему пришлось спрятаться в тоннеле.

Зойка старалась изо всех сил, но ее самоотверженность оказалась бессильной перед бетонной плитой. Она пыталась копать и слева, и справа, но везде натыкалась на камень. Отчаявшись, Зойка забыла об осторожности и свалилась с лесов, попутно ломая их. Будь колодец пошире, она неминуемо разбилась бы. А так просто скользила вниз по шахте, пока едва не приземлилась на голову Кабанова.

— Ты как корова на ходулях! — расвирипел он и полез наверх сам, едва протискивая плечи.

Доски скрипели и гнулись под его тяжестью. Уткнувшись головой в плиту, Кабанов зажег свечу и провел ею под препятствием. Пламя оставалось ровным, изящным, словно акварельная колонковая кисточка. Это означало, что воздух сверху не поступал. Кабанов как мог укрепил леса. Он не собирался сдаваться. У него просто не было выбора. «Будем рыть горизонтальный тоннель под плитой, не бесконечная же она!» Вечером, изнемогая от усталости, он, не в состоянии ни о чем думать, провалился в глубокий тяжелый сон.

А утром Кабанов проснулся в холодном поту. В дверь кто-то тихо скребся. Он подскочил к замочной скважине и увидел шею, перевязанную шарфом.

— Пора на работу, — шепнула Зойка, когда Кабанов открыл дверь.

Из мастерской доносились чавкающие, стонущие, хрипящие звуки. Народ еще спал после вчерашней гулянки. Кабанов из последних запасов сварил себе и Зойке по кружке кофе.

— Доберешься до плиты и начнешь рыть вбок, — инструктировал он женщину. — Не думаю, что плита большая. Метра два — и ты выйдешь наружу.

Зажав черенок лопаты под мышкой и рассовав по карманам свечи, Зойка полезла в тоннель. Не прошло и минуты, как она крикнула:

— А колодца-то нет!

— Как нет? Что значит нет? — ужаснулся Кабанов и полез на голос, но тотчас столкнулся в узком тоннеле с Зойкой. Пришлось пятиться обратно.

— Обвалился, должно быть, — дрожащим голосом произнесла Зойка. Ее всю трясло. — Там стенки слабые, пальцем ткни — и посыплется...

Кабанов не поверил. Нельзя было поверить. Это означало конец всему. Выпустив Зойку, он полез в тоннель. В том месте, где горизонтальная шахта переходила в вертикальную, все было наглухо забито песком. Бормоча что-то несуразное, Кабанов принялся разгребать песок руками, и сколько он отгребал, столько же песка прибывало снова. Он упал ничком и стал в бессильной злобе колотить кулаками, потом завыл, заскрежетал зубами и зарыдал, незаметно впадая в забытье...

Он не помнил, как Зойка отволокла его в кабинет, уложила на диван, дала попить минеральной воды, положила компресс на разгоряченный лоб. Пришел в себя Кабанов от громких ударов в дверь и выкриков: «Выходи! Выходи!», среди которых отчетливее всего звучал голос экс-Командора.

— Они нас убьют! — скулила Зойка, прячась за спиной Кабанова.

Дверь продолжала содрогаться от тяжелых ударов, от стен отваливались куски глины. Кабанов нашел под диваном пустую бутылку из-под водки, ударил ею по бортику люльки и протянул «розочку» Зойке.

— Если нападут — защищайся этим!

Зойка смотрела на Кабанова полными слез глазами и шептала:

— Если меня... если я...

Тут сверху что-то грохнуло, Кабанов поднял голову, и глаза сразу запорошило песком. Из черноты повеяло стылмым холодом.

— Вам повезло, — раздался все тот же равнодушный голос. — Не хватило еще одной партии песка. Так что быстренько хватайтесь за лопаты! Строители ждут, и ваша водка стынет!

Кабанов и Зойка переглянулись: что это — шанс на спасение или только короткая отсрочка?

Но раздумывать было некогда.

— Тихо! — закричал Кабанов, подходя к двери. — Я принимаю ваши условия!

Удары прекратились, крики смолкли. Кабанов отворил дверь.

— Уговорили. Будем торговать песком.

— Ура-а-а-а! — хором завопила толпа.

К Кабанову протиснулась Толстуха.

— Работать будем по технике безопасности! — заявила она. — В твой поганый тоннель мы не полезем!

И вдруг... Это было озарение! Подсказка ангела-хранителя! Пробормотав «Идите в карьер!», Кабанов быстро зашел в свое убежище и заперся.

— Зоя! — позвал он, впервые назвав женщину по имени.

Она подошла к нему, уверенная, что сейчас ей будет приказано идти в карьер, и даже головой закивала, заранее соглашаясь со всем, что он скажет. Кабанов взял из ее руки бутылочное горлышко, посмотрел на него и сунул себе в рот, как дудку. Потом стал ходить по кабинету и гасить свечи. Оставил горячей только одну — у самой двери. Поманил Зойку пальцем, толкнул ее в темный угол и зашептал на ухо:

— Закопай меня!

— А? — выдохнула Зойка, уверенная в том, что ослышалась.

— Закопай... — повторил Кабанов, поглядывая вверх. — Так, чтобы никто не увидел... Чтоб ни рука, ни нога не торчала...

— Нет! — зашептала Зойка. Она подумала, что Кабанов хочет покончить с собой. — Не надо! Пожалуйста, не надо!

— Дура! — сдавленно крикнул он и замахнулся на нее кулаком. — Я выберусь, а потом спасу вас всех! Я обещаю, что сюда дивизия Дзержинского высадится! Они этот подвал с землей сровняют... Только надо очень хорошо меня закопать...

Он заправил рубашку в брюки, застегнул все пуговицы, да еще воротник поднял, чтобы песок не так сильно засыпался, подошел к люльке, лег на нее, прижался лбом к бортику и сунул в рот бутылочное горлышко...

Зойка, наконец, поняла, что он задумал, взяла лопату, приблизилась к нему, копнула рядом с люлькой и несмело высыпала песок ему на спину.

— Давай! — произнес Кабанов, не вынимая горлышка изо рта.

В дверь снова постучали.

— Принимай носилки! — раздались снаружи вопли.

Опомнившись, Зойка принялась лихорадочно засыпать песком лежащего в люльке Кабанова. Сначала она присыпала спину и ноги, потом начала осторожно присыпать голову.

— Сейчас открою! — кричала она, вываливая на Кабанова лопату за лопатой и заливаясь слезами. Ей казалось, что Кабанов умер, и она его хоронит. Ее сердце разрывалось от жалости. Прикусив губу, чтобы не завывать по-бабьи громко, Зойка все кидала и кидала на Кабанова песок, и вскоре на люльке образовался холмик, похожий на свежую могилку. Упав перед люлькой на колени, Зойка легла на холмик, обхватила его руками и, щедро орошая песок слезами, прошептала:

— Я всегда буду тебя ждать...

Потом открыла дверь, и кабинет сразу заполнился обитателями подземелья.

— А почему здесь так темно? — экс-Командор расхаживал по кабинету так, будто это была его собственность. — А почему здесь все раскидано? Какой свинский беспорядок! Как здесь стало неудобно!

— Не то слово! — поддакнула Толстуха, переворачивая носилки над холмиком.

— И сколько пустых коробок! — пищала Полудевочка-Полустарушка, упорно заглядывая в каждую коробку и убеждаясь, что она пуста.

— А где этот... твой дружок? — спросил Бывший, по стеночке пробравшийся в кабинет.

— В туалете, — едва слышно произнесла Зойка.

— Правильно! Там его место! — захохотала Толстуха.

— Работаем! Работаем, ребята! — поторопил экс-Командор, по-хозяйски поправляя тряпку на диване и чувствуя себя снова

на своем месте. К нему вернулся прежний покровительственный тон. Все было прекрасно! Замечательно!

А Кабанов, придавленный песком, с трудом втягивал воздух через бутылочное горлышко, и ему представлялись кошмарные видения его разоблачения. Но отступить было поздно. Сквозь плотно зажмуренные веки не просачивался свет, и Кабанову казалось, что он лежит в могиле. У него уже начали затекать ноги, и он перестал их чувствовать, когда люлька дрогнула, закачалась и поплыла вверх. Есть ли необходимость объяснять, какие чувства испытывал в те мгновения Кабанов! Он поднимался к сладостной свободе, о которой столько мечтал!

Вдруг люлька остановилась. Рядом с Кабановым что-то происходило, дощатая платформа содрогалась от ударов, потом вдруг начала крениться набок, и Кабанов вместе с песком посыпался куда-то. Он машинально выдернул изо рта бутылочное горлышко, стиснул зубы и, дважды перевернувшись через голову, упал на поверхность песчаной кучи. А когда открыл глаза, увидел каменные стены, полки с инструментами, автомобильные колеса, некрашенные кузовные детали и прочую авторемонтную рухлядь, в беспорядке развешанную повсюду. Кабанов кинулся к приоткрытой створке гаражных ворот. В тусклом свете лампочки он заметил невысокого человека с приплюснутой лысой головой в военном пятнистом бушлате. Человек держал в руке лопату, глаза его были широко распахнуты, а губы искривлены от неожиданного появления Кабанова. Кабанов сразу понял, что это и есть тот самый человек, который заполнял собой черную недостижимую бездну, который превратил его в раба, засадил в подземелье, раздавил, унизил, втоптал в дерьмо. Но чувство мести и злобы, так и не родившись, сжалось до размеров заячьего страха и плебейского унижения. Маленький лысый человечек представился Кабанову чудовищным монстром, безграничным властителем, хозяином, которому Кабанов принадлежал весь целиком, с руками, ногами, кишками и мыслями.

Не смея даже поднять взгляд на это могущественное дьявольское существо, Кабанов съежился, втянул голову в плечи и прошмыгнул в приоткрытые двери. Лысый человечиче опомнился и успел огреть Кабанова лопатой по спине. Едва не теряя рассудок от холодящего душу ужаса, Кабанов во весь дух помчался куда-то в морозную темноту, ломая по пути высохшие ко-

рявые деревья, кусты и хлипкие ограды. «Стой! Стой!» — неслоь ему вслед. Но Кабанов продолжал бегство, утопая по колено в сугробах, пока не запутался в лесном валежнике, и упал на снег, зарывшись в него с головой.

10

Когда дыхание постепенно успокоилось, он прислушался. Вокруг было тихо и темно. Но почему темно? Значит, сейчас ночь? Кабанов приподнялся на руках и огляделся по сторонам. Он забыл о том, что на свободе, помимо дня, бывает и ночь. В его представлении здесь всегда должно светить солнце. Его трясло от холода. Он был в одной только рубашке, и мороз уже принялся пощипывать между лопаток... Неужели это свершилось? Неужели это не сон?

И в эту минуту Кабанов осознал, что он свободен. Свободен! Ему хотелось кричать от радости, но не было сил, он лишь раздавил в кулаках комочки снега и беззвучно заплакал.

Обливаясь слезами, Кабанов брел по лесу, трясясь от холода и крепко обнимая себя за плечи. Вскоре лес кончился, и он вышел на большое заснеженное поле. Уже светало, и Кабанов различил вдалеке темный срез шоссе, по которому изредка пробегали машины. Шлепая по снежной кашнице, он отчаянно махал им рукой, но они с грохотом пронеслись мимо, обдавая его мокрой грязью, даже не притормаживая. Кабанов сошел на обочину, сел на торчащий из-под снега пенек, и на него тут же нахлынули воспоминания: туманное утро, пустынная дорога, старик-попутчик: «До Кукушкино подвези!» Он почти физически ощутил неподъемную массу времени, прошедшую с тех давних времен. Сколько жизни впустую! Сколько счастливых дней и ночей загублено! Он обязательно найдет того гада, который подложил в «мерседес» бомбу. Собственно, найти его нетрудно. Кабанов знает, кто это мог сделать. Во-первых, Яшка Цымбал, владелец автосервиса, которому не нравились гаражные мастерские Кабанова. Сколько раз Яшка угрожал взорвать их! Потом Гарик Чумовой. Тот открыл кузовной цех, и ему очень не понравилось, что Кабанов построил рядом с ним шиномонтажную точку. И, конечно, Санек Белогорячкин. У того на краю города была мастерская по электрике, а Кабанов возьми и поставь рядом с ним подвижную лабо-

раторию с компьютерной диагностикой инжекторов. И накрылся Санькин бизнес. Тоже обиделся человек, запросто мог подложить Кабанову бомбу.

Настроение резко изменилось — теперь Кабанов жаждал только мести. За все ответят, гиены! За унижения, лишения и загубленные месяцы жизни!

Он поднялся с пенька и продолжил путь, двигаясь в сторону города. Вот и родной город. Кабанов шел по улицам, словно сомнамбула, и не замечал, что ему уступают дорогу и при этом стараются на него не смотреть.

— Братан! — крикнул он, заглядывая в окошко свободно-го такси. — До Пермской подкинь!

Таксист повел себя странно — ничего не ответив, стал крутить ручку стеклоподъемника, а потом еще и дверь изнутри заблокировал. Возмущенный Кабанов застучал по стеклу костяшками пальцев, но таксист сначала делал вид, что не замечает его, а потом стал махать рукой и ругаться:

— Пошел вон, скотина! И машину не лапай!

«Совсем таксисты обнаглели!» — подумал Кабанов и побрел к остановке автобуса. Большая, похожая на мешок с картошкой кондукторша встала в дверях, не позволяя Кабанову зайти в салон.

— До Пермской идет? — спросил он.

— Ага! Идет! — басом заорала она, глядя на Кабанова с лютой ненавистью. — Да не про твою честь! — кондукторша с силой оттолкнула его от ступенек, и автобус быстро отъехал от остановки.

Кабанов не стал ждать следующего автобуса и, дабы сократить расстояние к дому, вприпрыжку побежал через дворы. Распугав стаю дворняг, он пробежал мимо мусорных баков, но вдруг остановился. В одном из контейнеров, заполненном доверху разными пакетами, досками, тряпками, битым стеклом, дверцами от холодильника и прочими «полезными» вещами, Кабанов увидел весьма приличную и почти новую телогрейку. Один ее рукав был сплюснен и намертво склеен смолой, зато все остальное было в порядке. Он воровато выудил телогрейку из контейнера, кинул ее на снег, оторвал испорченный рукав и надел «обновку» на себя.

У лотка, торгующего шаурмой, Кабанов снова остановился. Его натренированный цепкий взгляд заметил лежащую на прилавке недоеденную половинку скрученного блинчика. Если не считать рыжей псины, жадно втягивающей носом запах жарен-

ного мяса, претендентов на лакомство больше не было. «Бестолочи!» — подумал Кабанов минуту спустя, заталкивая блинчик с безумно вкусной начинкой в рот. От удовольствия он даже тихо застоялся и, облизывая пальцы, выпачканные в соусе, двинулся дальше.

Вот и его Пермская улица. Кабанов медленно шел к своему дому, чувствуя, как его охватывает необычайное волнение. Подойдя к дверям подъезда, он поднял голову и взглянул на окна своей квартиры. Шторы задернуты. Может, Оля еще спит?

— Здравствуйте! Я вернулся! — надломленным от волнения голосом произнес Кабанов, склонившись над маленьким окошком консьержки.

Крашенная блондинка с короткой стрижкой мельком взглянула на него и тотчас снова уставилась в телевизор.

— Это я! Вы меня не узнаете? Кабанов, из шестой квартиры!

— Иди отсюда, пока милицию не вызвала! — вдруг рявкнула консьержка.

В это время дверь подъезда открылась, и соседская девочка Арина вывела своего спаниеля на улицу. Воспользовавшись ситуацией, Кабанов прошмыгнул через открытую дверь в подъезд. Бдительная консьержка с грохотом отодвинула стул, вскочила на ноги и принялась колотить кулаком по фанерной стенке дежурного помещения, завывая дурным голосом:

— Выйди из подъезда! Пошел вон, я сказала! Марш на улицу!

Но Кабанов уже бежал по ступеням вверх. Только здесь, на лестничной площадке, заставленной цветочными горшками, пахнувшими пряно и сочно, он понял, что его силы и нервы на нуле, и он как никогда нуждается в отдыхе. Тяжело налегая на перила, Кабанов добрался до своей двери и, глядя на лощеное красное дерево с позолоченными деталями, не узнавал ее. Какая роскошь! Какая невообразимая красота! Неужели эта дверь принадлежит ему, причем вместе с богатством, которое находится за ней?

«Вот я и вернулся!» — подумал он и надавил на кнопку звонка. Через несколько томительных мгновений — еще раз. Не успела горечь обиды захлестнуть его душу, как за дверью шелкнул замок — это открылась внутренняя дверь. Кабанов понял, что Ольга смотрит на него через глазок, и попытался улыбнуться.

— Что вам надо? — услышал он глухой голос жены.

— Это я, Оля, — жалобно проговорил Кабанов.

Жена поколебалась, но все-таки отперла вторую дверь и чуть приоткрыла ее.

— Вам чего? — спросила она, нахмутив брови.

— Оля, это же я! — сильным от волнения голосом повторил Кабанов.

К его изумлению, Оля вдруг начала ругаться, да так громко, что эхо разнесло по этажам ее последние слова:

— ...кто такую харю впустил в подъезд? Вон отсюда, пока я охрану не вызвала!

— Оля... Олюшка... Ты что? — опешил Кабанов, хватаясь за ручку двери. — Мужа не узнаешь?

— Какого еще мужа? Нет у меня никакого мужа!

— Глаза-то разуй, это же я, Артем Кабанов! Я не взорвался вместе со своим «мерсом», а потом меня в подвал посадили! И вот только сегодня я оттуда сбежал! Ванну хочу принять, побриться, пожрать...

В глазах Ольги мелькнул испуг.

— Не может быть, — прошептала она.

— Может, лапочка, может! — заверил Кабанов и уже готов был заключить супругу в объятия, но она поморщилась, чуть подалась назад и отрицательно покачала головой.

— Нет, мой муж похоронен на Литейном кладбище, участок двести пятьдесят. Я тебя не знаю! Немедленно уходи, пока я не вызвала охрану!

Она попыталась захлопнуть дверь, но Кабанов успел подставить ногу.

— Ты что, глупая баба, ополоумела? Кого ты могла похоронить, если вот он я! Вот, вот! Вот мои руки, моя голова, мой нос. Я не погиб! Я выжил! А моего пассажира разнесло в клочья. Наверное, его приняли за меня!

— Ты говоришь страшные вещи! — прошептала Ольга, изо всех сил пытаясь закрыть дверь. — Я тебе не верю. Самозванец!

— Да я просто похудел и оброс! Да ты посмотри на мои глаза! На нос! На зубы! Разве это не я?

— Нет! Убери ногу! От тебя смердит!

— Это не от меня, а от телогрейки! Я ее в мусорном баке нашел.

— О, господи! Помогите мне кто-нибудь!

— Не сходи с ума, Олюшка! Хочешь, я скажу тебе то, что мог знать только твой муж? Про родинку, которая там... сама знаешь где. Или про твое любимое блюдо?

— Какое блюдо?

— Жареная курица!

— Вранье! Терпеть не могу жареную курицу!

— Как не можешь? Ты же любила ее!

— Ничего я не любила! Ногу убери!

— Ну, хочешь, я скажу, какие у тебя платья в шкафу? Какое белье ты носишь?

— Мое белье видела вся страна, потому что я фотографируюсь на обложки журналов! Ногу, я сказала!

Ольга вдруг замахнулась и ударила Кабанова по голове лопаткой для обуви. От неожиданности он опешил и отшатнулся назад, а она тут же захлопнула дверь.

— Имей в виду! — дудела Ольга в замочную скважину. — Если сейчас же не уйдешь, я вызову охрану! — и гадливо добавила: — Жулик!

11

Произошедшее никак не укладывалось в голове Кабанова. «Надо же! — думал он, выбегая из подъезда. — Она похоронила своего мужа! А я в таком случае кто? Может, Ольга имела в виду какого-то другого мужа, которого я никогда не знал?»

Этот вопрос надо было решить немедленно, разобраться окончательно с живыми и мертвыми. Литейное кладбище, которое считалось в городе самым престижным, находилось недалеко, и это обстоятельство избавляло Кабанова от необходимости штурмовать автобус. Чугунные ворота главного входа, украшенные коваными амурчиками, были распахнуты, из глубины тоскливой рощи доносилось карканье ворон и хриплые звуки духового оркестра. Едва Кабанов зашел на территорию кладбища, как из маленького кирпичного домика, похожего на часовню, вышел наголо бритый мужчина с глубоко посаженными глазами.

— Далеко собрался? — спросил он.

— Могилку надо проведать, — неуверенно ответил Кабанов.

— Какую еще могилку? — скривил губы мужчина.

— На двести пятидесятом участке... Я родственник...

— Я так и понял, что родственник, — ответил мужчина, сплюнул и посмотрел на мрачный строй деревьев, над которыми кружили вороны. — Но там уже давно ничего нет.

— В каком смысле? — пробормотал Кабанов. — Перезахоронили, что ли?

— Ты дурной или прикидываешься? Я говорю, что сейчас ничего нет на могилах. Ни водки, ни хлеба. Разве что там... — и он кивнул в ту сторону, откуда доносилась траурная музыка. — Позже приходи, когда закопают и помянут. Наверняка много чего останется. Заодно снег на дорожках почистишь.

— Вы меня не поняли, — начал объяснять Кабанов. — Мне не нужна другая могила. Мне нужен двести пятидесятый участок.

Мужчина пристально взглянул на Кабанова и процедил:

— Добро, топай. Но, если что с могилой сделаешь, отсюда уже никогда не выйдешь. Врубился?

Кабанову было страшно, он готовился к потрясению. Но реальность оказалась совсем не страшной, даже забавной. Кабанов издали увидел высеченный из красного гранита бюст и сразу узнал себя. Красный камень будто фонтанировал из-под земли, и на волю вырывался Артем Кабанов, могучий, непокоренный, гордый и красивый. Кабанов приблизился к памятнику и несколько раз прочитал высеченную в граните надпись: «Кабанов Артем Анатольевич, 3.05.71—7.09.08. Спи и не восставай от плача моей скорби!». «Сильно сказано! — подумал он, обходя памятник со всех сторон. — Интересно, Ольга сама придумала или выбрала из списка готовых надписей в похоронной конторе?»

Он никак не мог оторвать взгляда от могучей фигуры, высеченной из камня. Атлетическое телосложение гранитного Кабанова было, безусловно, гиперболизированным воображением скульптора, тем не менее Кабанов легко уверовал, что он и в самом деле такой романтический титан с квадратно-волевой челюстью и безукоризненными чертами лица, рвущийся куда-то в небо. «Получается, дружище, Олюшка тебя похоронила! Вот хохма-то! Мне при жизни памятник поставили! Да с таким памятником я просто обязан жить долго и счастливо!»

С души Кабанова свалилось тяжкое бремя сомнений. Естественно, что Ольга его не узнала. Она ведь уверена, что ее муж погиб, и потому отказывается узнавать в нем Кабанова. Он вприпрыжку побежал по дорожке, коря себя за то, что вернулся до-

мой в таком непрезентабельном виде. Конечно, надо было сначала зайти в парикмахерскую да снять с себя телогрейку, прежде чем звонить в дверь.

Немедленно в ближайший салон красоты! Но тут неожиданно всплыла одна пустяковая проблема: у него не было с собой ни копейки денег. «Поеду-ка я к себе в офис! — подумал Кабанов. — В моем сейфе две или три тысячи баксов завалились!» Он сел в автобус, но кондукторша высадила его на следующей остановке. дождался другого автобуса и проехал на нем еще одну остановку. Так, медленно, но уверенно, Кабанов двигался к офису своей фирмы «Автошник», расположенному в двух классах бывшего профтехучилища.

Вахтерша, сидящая в холле, его не пропустила, к чему, впрочем, Кабанов был готов. Он попросил ее позвонить в «Автошник» и вызвать на проходную Гришу Варыкина. Гриша был его заместителем, надежным помощником и просто другом. Уж кто-кто, а он узнает Кабанова, будь тот хоть с бородой, хоть с длинными волосами, хоть в телогрейке, хоть голый!

— А как вас представить? — спросила вахтерша, подозрительно глядя на брюки Кабанова, похожие на маскировочный халат для лунной поверхности.

— Артем Кабанов!

Гриша спустился вниз на удивление быстро. Он был, как всегда, безупречен: костюм-тройка, белая рубашка и ярко-синий, в ромбик, галстук. От него невероятно вкусно пахло коньячком, дорогими сигаретами и элитной туалетной водой. Кабанов развел руки в стороны, готовясь заключить верного друга в объятия. «Надо повысить ему оклад! — тотчас решил Кабанов. — Такой сотрудник у меня! Просто клад!»

Но Гриша никакой радости от встречи с Кабановым не выказал. Он остановился посреди вестибюля и огляделся. Не узнал! Неужели Кабанов так изменился? Скорее бы в парикмахерскую! Скорее бы в ванну! И надеть такой же изящно-строгий костюм с жилеткой. И непременно белую рубашку! Отныне Кабанов будет носить исключительно белые рубашки, а на лето купит себе белый костюм с белой широкополой шляпой!

— Гриша! — ласково позвал Кабанов. — Гришуня!

Варыкин обернулся, отчужденно взглянул на Кабанова и шагнул к нему, звонко цокая по кафельному полу литыми каблукками.

— Это кто тут у нас Артем Кабанов? — со скрытой угрозой спросил он. — Ты, что ли, мужик?

Кабанову показалось, что Варыкин узнал его, но прикидывается, — видимо, разыграть хочет.

— Я воскрес, — ответил Кабанов, закатывая глаза под потолок, — и пришел сюда вершить свой страшный суд!

Он хотел еще добавить про необходимость глубокого покаяния всех сотрудников «Автошика», но сделать это не смог по той причине, что крепкий кулак Гриши Варыкина глубоко въехал Кабанову в солнечное сплетение.

Он задохнулся, побледнел и, взявшись за живот, согнулся пополам. Воспользовавшись этим, Гриша схватил Кабанова за воротник телогрейки и поволок к выходу.

— Правильно, правильно! — кричала вахтерша. — А то ходят тут бомжи всякие!

Распахнув стеклянную дверь, Гриша повернул Кабанова лицом к улице и мощным пинком послал его в серую зимнюю мглу, словно шар для боулинга.

— За такие слова тебя вообще убить надо! — крикнул он вслед.

Пришел в себя Кабанов в сугробе и печально подумал: «Не узнал».

Положение слегка усложнялось. В «Автошике», как и в родном доме, его не узнали. Нужно срочно приводить себя в порядок. Но как это сделать без денег? Ко всему прочему, короткий зимний день подходил к концу, и с каждой минутой темнело. На обледенелой лавке в сквере Кабанов съел хлеб, бросил крошки птицам и посмотрел по сторонам в поисках мусорных баков, где можно было бы еще чем-нибудь поживиться.

У пластикового контейнера с надписью «пищевые отходы» толпились птицы, собаки и люди, шел активный разбор конечно-го продукта из кафе «Ивушка». Две попытки пробиться к контейнеру не увенчались успехом — Кабанова оттесняли более наглые и нахрапистые завсегдатаи. Тогда Кабанов пошел на хитрость: подобрал валяющееся неподалеку ведро, с ходу врезался в толпу и властно крикнул:

— Ну-ка, расступись! Дайте добро выкинуть!

Первыми отреагировали вороны и дружно взлетели в небо, а уж потом от кормушки оторвались люди. Кабанов кинул ведро

в бак, будто для этого сюда и пришел, и закрепился на захваченной позиции.

Здесь было много недоеденной пиццы с грибами и ветчиной, а также плотные комочки вареного теста от хинкалей и похожие на лисьи ушки уголки от чебуреков. Кабанов набрал трофей, выложил его кругом на пластиковую тарелочку, да еще приправил кисло-сладким соусом, который вытряхнул из полупустой бутылочки.

Обритый наголо мужик предложил Кабанову полстакана портвейна. Они сели на крыльцо подстанции и спокойно поужинали.

— Тысячу лет пиццу не ел, — признался Кабанов, тщательно обмакивая в соус серповидный краешек от пиццы.

— А чего так? — равнодушно спросил лысый, низко согнувшись над газетой с едой. — На зоне был?

— Хуже. В подвале сидел.

Лысый с пониманием вздохнул и разлил остатки портвейна по пластиковым стаканчикам.

Он оказался человеком опытным, с большим стажем бомжевания и, узнав, что Кабанову негде ночевать, без колебаний повел его на ночлег в социальный приют.

— В городе их три, — по дороге пояснял лысый. — Но в четные дни лучше ходить в приют от Литейного районного собеса. Там дежурит хорошая бригада: и кормежка лучше, и кое-чего из вещичек перепадет, а иногда даже сто грамм водочки обламывается.

— А постричься там можно? — спросил Кабанов.

— И постричься, и помыть, — заверил лысый и погладил себя по голове. — Правда, прически там делают только такие.

С того момента, как Кабанов выбрался на свободу, он успел испытать несколько поистине счастливых моментов. Ночлег в приюте был в их числе. Несмотря на то что это было полуподвальное помещение с голыми стенами, выкрашенными в трупно-зеленый цвет, приют показался Кабанову пятизвездочным отелем. Там было тепло — это раз. Там было чисто, пахло хлорочкой — это два. Там было уютно и светло — это три. И — не соврал лысый! — там был замечательный персонал. Сначала Кабанова отвели в небольшой предбанник, сплошь обшитый белоснежной кафельной плиткой, где ему велели раздеться донага. Кабанов торопливо разделся, затолкал всю одежду в черный полиэтиленовый мешок и вдруг обратил внимание на свое тело. Оно ока-

залось удивительно худым и белым. Вот только руки и ноги были черно-коричневыми и напоминали протезы, сделанные из глины.

Из предбанника Кабанов перешел в душевую. У него дрожали руки от волнения и на глаза навернулись слезы. Он взял кусок хозяйственного мыла, встал под лейкой и пустил на голову горячую струю. Переведя на себя весь кусок мыла, он сел под струей на пол и сидел так до тех пор, пока не отключили воду.

Из душевой Кабанов прошел в следующее помещение, в котором стоял острый запах стирального порошка. На большом столе, сколоченном из досок, лежала груда одежды. Он порывлся в вещах и нашел вполне приличные джинсы с небольшими дырками на коленях, а также заштопанную в нескольких местах синюю теплую рубашку.

Одетый, распаренный, разомлевший, Кабанов пошел дальше. В следующей комнате его посадили на табуретку, повязали на шею простыню и электрической машинкой очистили голову от мерзкой, спутавшейся растительности. После этого он прошел в столовую, где на фарфоровых тарелках с игривой надписью «Общепит» подали овсяную кашу с подливкой, хлеб и сладкий чай. Кабанов быстро управился со своей порцией, а потом вызвался в посудомойщику и целый час вместе с тарелками отмывал и согревал свои руки под струей горячей воды. После столовой, в составе безмолвной, шаркающей ногами толпы обстриженных и накормленных людей, он попал в очередное помещение. Это была спальня со стройными двухъярусными рядами манящих коек. Между ними вклинились тумбочки, на которых лежали потрепанные книжки и шахматные доски.

Кабанов сыграл партию в шашки с мужиком, который привел его сюда, затем почитал старые газеты, из которых узнал много нового, а за полчаса до отбоя добровольно напросился в уборщику и с удовольствием вымыл в спальне пол теплой водой.

«Вот совершенная организация! — с восторгом думал он, ползая под койками с тряпкой в руках. — Почему бы и в нашем подземелье не сделать так же? Прежде чем идти в спальню, будь добр, помойся. А в спальне поставить столы с шашками и подшивками газет. И назначать дежурных, которые будут следить за порядком и чистотой. А под столовую отрыть отдельное помещение с варочным отделением, посудомоечной и раздаточным окном...»

И только когда рядом кто-то зашелся в туберкулезном кашле, Кабанов вырвался из плена сладостных грез и пристыдил себя: «С ума сошел? О чем я мечтаю? Да пропади он пропадом, этот подвал! Дивизия Дзержинского его с землей сровняет и поставит камень с надписью: «Здесь мучились в неволе рабы XXI века!»

12

Его разбудили раньше остальных обитателей приюта и велели идти в столовую на раздачу. Он хоть и не выспался, но все же за общественное поручение взялся с удовольствием. В то время как Кабанов расставлял на столах тарелки с пшенной кашей, стаканы с чаем и раскладывал хлеб, в столовую в сопровождении начальника приюта зашел милиционер. Стуча заснеженными ботинками по полу, отряхивая от снега шапку, он громко говорил, что здесь, как всегда, воняет, и пол скользкий, и контроль над посетителями ни к черту.

— Филиппов! — гремел милиционер. — Как я учил тебя вести журнал регистрации?

Начальник приюта с бледным и рыхлым лицом вздыхал, разводил руками и сетовал на скромные бюджетные вливания. Милиционер его объяснения не принимал и шлепал ладонью по учетному журналу.

— Возьмем только вчерашний приход! Глянь сюда, Филиппов! — Милиционер стал тыкать пальцем в неряшливо написанные слова. — Это что такое? Бердуплыев Хамадрил Приогрович...

— Но он так представился, — оправдывался начальник приюта. — А паспорта у него нет, говорит, украли.

— Да и без паспорта понятно, что фамилия придуманная. Где ты видел, чтоб такие фамилии были? Пердублы... тьфу! Язык сломаешь! А этот вот — Хатакура. У тебя что, японцы ночуют?

— Бог с вами, Михаил Сергеевич! Японцев у нас отродясь не было.

— А фамилия-то японская! Ты мне хоть одного узкоглазого покажи! Или вот — Кабанов Артем Анатольевич. (Услышав свою фамилию, Кабанов вздрогнул, поставил тарелку на стол и бочком стал продвигаться к выходу.) Почему я должен выяснять, реальная это фамилия или придуманная?

— Я сделаю запрос, — пожал плечами начальник.

— Да без тебя уже сделал! И выяснил, что гражданин Кабанов Артем Анатольевич погиб минувшей осенью и похоронен на Литейном кладбище. А у тебя, значит, кто-то ночует под его фамилией. И не исключено, что это преступник, скрывающийся от правосудия. Давай, Филиппов, объявляй подъем и строй здесь всех в одну шеренгу!

Кабанов незаметно вывалился из столовой и на нестибающихся ногах пошел к выходу. Дежурный санитар, который хвалил Кабанова за усердие, ничего не заподозрил и приветственно махнул рукой.

— Пошел уже? Ну, будь здоров, до завтра!

На улице лютовала метель, ветер раскачивал фонари и срывал снежную фату с сугробов. Глубоко страдая от холода, Кабанов бежал к себе домой. «Ничего, немного потерпеть осталось!» — успокаивал он себя, не сомневаясь, что теперь-то Ольга его узнает. Рассчитывать на ночлег в приютах Кабанов больше не мог. Там его в любом случае примут за самозванца, назовись он своим именем или вымышленным, и, без сомнения, отправят в отделение милиции. А там, чем черт не шутит, могут пришить убийство самого себя. В милицию Кабанову все же придется прийти, но сделает он это по своей воле... Нет, даже не в милицию, а в прокуратуру, причем вместе с женой и Гришей Варькиным, которые подтвердят, что он и есть тот самый Кабанов Артем Анатольевич. А сейчас всего-то нужно, чтобы его признала собственная жена.

На сей раз Кабанов не стал дразнить своим видом консьержку. Затаившись под дверью в подъезде, он выждал, когда соседская девочка Арина выведет своего перекормленного спаниеля на прогулку, незаметно прошмыгнул внутрь и поднялся по лестнице на третий этаж.

Второе свидание с женой получилось намного короче.

— Это снова ты? — змеиным шепотом произнесла Ольга, запахивая на груди махровый халат. — Никак не уймешься? Ну, хорошо...

Что означает это «хорошо», Кабанов понял мгновением позже. Ольга захлопнула перед его носом дверь, а вслед за этим Кабанов услышал ее голос:

— Алло! Милиция?.. Вот уже второй день меня преследует маньяк!

Кабанов несся по ступенькам, уподобляясь горному барану, спугнутому сорвавшейся лавиной. «Будь проклята эта лысына!!! — панически думал Кабанов, выбегая на мороз. — Олюшка не узнает меня потому, что я лысый!»

Если вся проблема была только в прическе, разрешиться она могла не раньше, чем через месяц-полтора. Но ждать полтора месяца! Будь у Кабанова хоть какие-то волосы на голове, они непременно встали бы дыбом от столь ужасающей перспективы. Дрожа от холода, он пробрался на детскую площадку и залез в избушку на курьих ножках. «Может, Варыкин меня узнает?» — думал Кабанов, дую на заоченевшие ладони. Как холодно! Как одиноко! Он мысленно перебирал своих сотрудников, соседей, просто знакомых. Список получился внушительным, но, как ни странно, ни у кого из них Кабанов не мог попросить приюта. Сотрудники его ненавидели за скупость и унижения. С соседями он вел себя высокомерно, называл их быдлом, а если давал займы, то под бешеные проценты, которые потом выуживал через суд. Друзей в нормальном смысле этого слова у Кабанова не было. Общение со знакомыми предпринимателями сводилось лишь к совместным походам в сауны и казино, где с пеной у рта они доказывали друг другу свою крутизну и превосходство.

Так, философствуя, Кабанов пришел к неожиданному выводу, что поторопился с побегом из подземелья. Конечно же, бежать надо было весной, когда тепло. Сколько бы проблем сразу отпало! Не надо было бы думать о том, где согреться, где переночевать — под любым кустом в парке ложись и спи! А когда не думаешь о холоде, насколько легче восстановить себя в этом мире, занять свое законное место!

Окончательно замерзнув, Кабанов со скрипом встал и ледяной глыбой вывалился из избушки. С низкого неба нисходил тяжелый рассвет. Город дымил трубами, автомобильными выхлопами и паром людских ртов. Город жил своими проблемами и за просто обходился без Кабанова. Положение становилось просто отчаянным. У него не было денег, не было имени, не было ничего, что подтверждало бы его право на достойную жизнь в этом мире.

«Надо идти к Варыкину! — решил он. — Пусть ударит еще раз, пусть даже десять раз, хоть тридцать! Но я все-таки докажу, что я не урод, а живой Артем Кабанов, владелец сети ремонтных мастерских, его начальник и коллега!»

Прежде чем выйти на многолюдную улицу, Кабанов сделал еще один круг по дворам, жадно выскивая мусорные баки, и вдруг увидел между домов веселое многоцветье огней, неоновые звезды и сверкающую вывеску казино.

Ноги Кабанова помимо его воли двинулись к этим слепящим огням. Здесь, в этом мерцающем хаосе, начало всех его бед. Отсюда начался его путь в подвал, из которого он до сих пор не может выбраться... Кабанов пересек дорогу и, не спуская глаз с белых колонн, с тяжелой двери парадного входа, пошел по выскобленной плитке автостоянки. Где-то здесь стоял его «мерс». Была сырая туманная ночь. Во внутреннем кармане пиджака лежали баксы. В «мерсе» было тепло, уютно, звучала магнитола. В баре стояла бутылка «кампари». В бардачке лежала кожаная сумка с бумажником, мобильным телефоном, водительскими правами, паспортом, ключами от квартиры... В одной небольшой сумочке — все необходимое, чтобы твердо стоять на земле. Но ее не стало, и все рухнуло, вмиг испарились все качественные ценности Кабанова, которые позволяли ему чувствовать себя хозяином жизни. Какой абсурд! Вся суть личности — в маленькой сумочке, называемой «борсетка»...

— А я вас сразу узнал! — услышал Кабанов рокочущий голос. Он вздрогнул, обернулся, готовый поскакать по сугробам прочь, но швейцар в темном пальто с золотистыми завитками в петлицах и сверкающими галунами смотрел на него приветливо, даже подобострастно.

— Говорю, сразу узнал вас! — громче повторил швейцар, вытирая перчаткой красный нос. — У меня зрительная память ого-го какая! Я ж прапорщиком тридцать лет в органах прослужил, а там, доложу вам, сноровка нужна. Всех начальников знать в лицо, безошибочно распознавать, кто входит, кто выходит, кто подозрительный, кто свидетель, кто осведомитель... Документ — это, знаете, второе дело. А вот зрительная память — основа. Ни разу за тридцать лет меня не подвела...

Ах, да! Это же тот швейцар, которому Кабанов когда-то давно, в другой жизни, дал на чай сто баксов...

— Давно вы не появлялись у нас, — продолжал швейцар. — Я все жду, жду — где наш уважаемый клиент? Не слишком ли легко вы одеты? Сегодня морозец — ой-ой-ой!

— Вы правда меня узнали? — дрожащим голосом спросил Кабанов.

— А то стал бы я к вам подходить! — хмыкнул швейцар. — Такие щедрые люди, знаете ли, не забываются... Вы, конечно, изменились. Похудели, посвежели. На диете?

Кабанов кивнул.

— Заглянете к нам? — заваливал вопросами швейцар. — Сейчас, правда, народу мало, а к вечеру яблоку негде будет упасть.

— Я... я на службе... — брякнул Кабанов.

— А я, знаете, так сразу и понял. Тех, кто при исполнении, за версту чую. И вид у вас такой... необычный... не догадаешься. И сорите вы деньгами уж слишком щедро. Явно, что не своими кровными швыряетесь, а, так сказать, служебными... — он мельком глянул куда-то вверх, как показалось Кабанову, на окно второго этажа, и заговорщически произнес: — Позвольте вас немного осведомить. Вы стоите как раз в середине кадра.

— Какого кадра? — забеспокоился Кабанов и посмотрел себе под ноги.

— Там, наверху, камера... Только не поднимайте голову! И она как раз нацелена на вас. Круглосуточное наблюдение. У наших секьюрити, доложу вам, глаз наметан, сходу все просчитывают... Так что вы лучше встаньте ближе ко мне, под козырек. Здесь «мертвая зона»...

— Неужели круглые сутки наблюдают? — спросил Кабанов, прижимаясь спиной к теплой двери.

— Круглейшие! — заверил швейцар, бегая глазками по сторонам. — Подставы могут быть днем и ночью. В прошлом году, докладываю вам, у нас в джекпот одновременно пять налоговых инспекторов играли. Все аферы крупье просчитали... С тех пор подходы к казино просматриваются и записываются на видео... А вы тут, если не секрет, по какому случаю?

— Теракт расследую, — ответил Кабанов.

— А-а-а, это правильно. Мы с терроризмом тоже боремся. К нам, доложу вам, ни оружие, ни взрывчатку не пронесешь. Глухой номер! Круче, чем спецконтроль в аэропорту... Так, может, чайку? Другого не предлагаю, раз вы при исполнении...

Кабанов едва не прослезился от благодарности за столь щедрое и великодушное предложение! Умом он понимал, что швейцар старается вовсе не из-за простой симпатии к Кабанову, а ради новых, еще более щедрых чаевых. Но какая разница! От такого предложения мог отказаться только безумец.

Швейцар завел Кабанова в тамбур и тотчас направил его к низенькой, обитой железом двери, за которой в маленькой комнатке отогревались, упивались чаем и раскладывали компьютерный пасьянс швейцары.

— Садитесь, — предложил швейцар, кивая на топчан. — А я сейчас чай поставлю.

«Я отсюда теперь до конца своей жизни не выйду! — подумал Кабанов, прижимая фиолетовые от холода руки к батарее парового отопления. — Как тут хорошо! Какое блаженство!»

— Вот, компьютер нам поставили, — похвастался швейцар, смахивая тряпочкой пыль с выгоревшего монитора. — Игры тут всякие... Можно в «лягушки», можно в домино... Вам сколько сахара ложить? Пять? Какой вы, оказывается, сластена! Я, знаете, тоже, когда прапорщиком в органах служил, любил чаек послаще... Значит, в тот раз вы тоже сюда по служебным делам? Я так и понял, когда вас увидел. И знаете, на чем я вас раскусил? Вы за один вечер четыре раза в ресторан заходили и что-то там заказывали. Разве нормальный человек будет так обжираться? Не иначе как контрольная закупка. Я прав? Хе-хе! Доложу вам, у меня память цепкая, как вошь... Как сейчас помню, что это была ночь с шестого на седьмое сентября. И «мерседес» у вас был. Вот только номер запомнил. Но это легко установить... — швейцар со значением потряс стопкой зеркальных компьютерных дисков. — Не желаете на себя глянуть? Мне эти штуковины секьюрити приносят. Три месяца у себя хранят, а потом — в утиль, то есть мне.

— А что значит — глянуть на себя? — перебил его Кабанов, жадно отхлебывая горячий, одурманивающе сладкий и пахучий чай. — Вы имеете в виду видеозапись?

— Точно так! — отрапортовал бывший прапорщик. — Здесь записано все, что попадает в поле зрения наших видеокамер. Кто в казино заходит, кто мимо него прохаживается, кто высматривает или вынюхивает что-либо...

— И что ж, запись за седьмое сентября осталась? — Кабанов вдруг почувствовал себя рыбаком, ухватившим за хвост рыбу размером с дирижабль.

— Должно быть, осталась, — ответил швейцар, рассматривая пометки на дисках. — Ага, вот он! Тут целая неделя. Хотите посмотреть? — с этими словами бывший прапорщик поставил диск в приемное устройство на компьютере и нажал кноп-

ку. — Доложу вам, что качество записи оставляет желать лучшего. Но при желании... Ага, это вот пятое. Сейчас перемотаем вперед... Вот внизу экрана бегут циферки — это, значит, день, месяц и время с точностью до секунды. Как видите, все у нас схвачено, все под контролем, тут не только терроризм, тут... А вот и ваш «мерседес» подруливает! Так, парковочка, фары выключили, дверь открыли... Выходите из машины... Обратите внимание, как внимательно я смотрю на вас! Вот вы подходите к дверям казино... Ага, я кланяюсь... Обратите внимание, с каким почтением я вам поклонился. Вот вы зашли... Ну, собственно, и все. Желаете взять себе этот диск?

— Подождите! — крикнул Кабанов и вплотную придвинулся к монитору. Там продолжалось все то же скучное действие. Люди двигались, как шахматные фигуры, подъезжали и отъезжали машины, хаотично мерцал огнями светофор. И вдруг какой-то человек припал к земле рядом с «мерсом» Кабанова, потом вскочил, нырнул в «ауди», врубил фары и дал задний ход. — Стоп! Перемотайте назад! Еще раз этот кусок!

— Сделаем, сделаем! Сколько угодно раз повторим. Доложу вам, что мы тоже на этот светофор обратили внимание. Уж слишком бестолково мигает: красный, желтый, зеленый, а потом снова желтый. Я, знаете ли, все подмечаю!

Но Кабанов смотрел вовсе не на светофор. «Ауди»! Какой ужас, «ауди!» Вот она едет по дороге, останавливается, стоит некоторое время, а потом медленно заруливает за стоянку рядом с казино. Номер разглядеть невозможно — по нему скользят блики от неоновых ламп. А вот лицо водителя... Он в темных очках, в темном костюме, фигура тонкая и стройная. Вот он вышел. В руке сверток, похожий на книгу. Подходит к «мерседесу» Кабанова и опускается перед ним на корточки. Не видно, что он там делает, но вот его лицо! Его лицо!

— А-а-а! — страшным голосом закричал Кабанов. — Это Варыкин!

Швейцар только собрался спросить у Кабанова, на какое материальное поощрение может рассчитывать за свою бескорыстную и бдительную службу, как Кабанов вырвал диск вместе с дисководом и проводами, кинулся к выходу и исчез во мраке ночи.

13

Кабанов плакал, неистово жалея себя. Кому же верить на этой земле, если даже самые близкие люди предадут? Он бежал на другой конец города, к своей Олюшке, к единственной на свете женщине, которая поймет и пожалеет его. Он придет к ней, встанет перед ней на колени и скажет: «Вызывай милицию, я уже ее не боюсь! Но прежде возьми и просмотри этот диск. Ты увидишь человека, который подложил бомбу под машину твоего мужа. Имя его тебе известно: это негодяй Варыкин! Его судьба в твоих руках! И я, Артем Кабанов, тоже вверяю свою судьбу в твои руки. Я вернулся к тебе, смерть поправ! Я прошел тяжчайшие испытания! И пусть мои волосы короче, нежели прежде, пусть мои щеки запали, взгляд потух, а одежда изорвалась в клочья, все равно я сохранил человеческий облик и любовь к тебе!»

От этих высокопарных слов, которые выплеснулись из самой души, Кабанов зарыдал еще сильнее. Он уже не обращал внимания на ледяной ветер, на колючий снег, секущий лицо, на озирающихся прохожих.

Остановившись напротив двери из роскошного красного дерева, Кабанов отдышался и стряхнул капельки растаявшего снега с лысины.

«Блим-блим!» — пропел звонок, и дверь распахнулась во всю ширь. На пороге стоял Варыкин. Он был гол, если не считать повязанного на манер туземной тростниковой повязки полотенца. Челюсть его ритмично двигалась, издавая сочные чавкающие звуки, а широкий, гладко выбритый подбородок лоснился от жира.

— Ты... — произнес Кабанов, сделал шаг назад и подавился слюной.

— Чувак, — сказал Варыкин, чуть прикрывая за собой дверь. — Ты мне надоел.

— Где... Оля... — едва слышно прошептал Кабанов.

— Оля? Она в душе.

— Да нет же! — раздался звонкий голос жены из коридора. — Я уже вышла!

Кабанов пытался встать на цыпочки, чтобы увидеть жену и потребовать от нее каких-нибудь объяснений, но Варыкин закрывал своими широкими плечами весь дверной проем.

— Ты подложил бомбу... — утратив способность говорить громко и отчетливо, прошептал Кабанов. — Под «мерс»...

— Ну, я, — неожиданно признался Варыкин. — И что теперь делать? Что теперь прикажешь делать? Свершилось! Все! Нет тебя! Понимаешь? Тебя нет! Ты никто! Пустое место! Ноль!

— А-а-а, — протянул Кабанов и погрозил Варыкину пальцем. — Значит, ты знаешь, кто я!

— Конечно, знаю. Кабанов. Точнее, бывший Кабанов. А теперь ты лишь его жалкое подражание. Пойми, твой поезд ушел. Тебя похоронили. С землей сровняли! И ни у кого по этому поводу нет никаких сомнений! Назад ничего уже не вернешь!

— Почему же, — шепотом возразил Кабанов, дрожащей рукой залезая себе за пазуху, где был припрятан дисковод с диском.

— Что у тебя там? — усмехнулся Варыкин. — Компромат на меня?

— Доказательство... неопровержимое.

— Доказательство того, что я как-то заглянул под днище твоего «мерса»? — догадался Варыкин. — Так туда моя монетка закатилась, вот я за ней и полез. А у тебя есть доказательства, что ты Артем Кабанов?

— Найду, — неуверенно пообещал Кабанов и скрипнул зубами.

— Валий! Ищи! — великодушно позволил Варыкин. — Вот только зачем тебе эти доказательства? Тебе сюда дороги уже нет! Все переместилось, переехало, сдвинулось. Твое место занято, чувак. Мой тебе совет: поищи себе другую полянку. Зря, что ли, мы тебя с такими почестями хоронили? Зря столько денег вбухали?

— Моих денег, — мертвенным голосом произнес Кабанов.

— Моих, твоих — какая разница? — поморщился Варыкин и легонько толкнул Кабанова в грудь. — Дуй отсюда, чувак! По-хорошему тебя прошу!

За спиной Варыкина раздался светлый, звонкий, как весенний ручеек, голос жены:

— Гришуня! С кем это ты там так долго?

— Да снова этот твой придурок пришел!

«Твой придурок» так резануло слух Кабанова, что он, не владея собой, ринулся вперед, но тут же наткнулся на жесткий кулак Варыкина.

— Стой! Куда прешь!

Из-за плеча Варыкина выглянуло смазанное кремом личико Ольги. Увидев Кабанова, она тотчас уставилась в потолок, словно по нему полз трехглазый клоп.

— Как же так, Олюшка! Это же я! — взмолился Кабанов. — Ты же узнала меня! Я же твой муж!

— Нет-нет, — торопливо заговорила Ольга. — Мой муж погиб и похоронен на Литейном кладбище. Теперь у меня другой муж. А вас я не знаю. Уходите, пожалуйста, и не смейте больше появляться здесь. Мы не хотим вас знать...

— Не хочешь знать? — закричал Кабанов прорезавшимся вдруг голосом. — Неужели у тебя сердце не дрогнуло?! Я же к тебе как блудный сын, как Одиссей, а этот негодяй Варькин... Да! Да! Моя морда изорвана в клочья, как и моя человеческая судьба, но я, Артем Кабанов, вернулся с твердостью, но короткими волосами... И пусть мои волосы и мои щеки потухли, все равно, все равно... облик, любовь...

— Он бредит, — констатировал Варькин.

— Убери его, — попросила Ольга. — Он оскверняет память моего покойного мужа...

Тяжелая дверь подъезда с лязгом захлопнулась за спиной Кабанова. Он стоял в сугробе, а метель бесновалась вокруг, словно кофейные крошки в кофемолке. Кабанов вытащил из кармана диск и кинул его в урну, наполовину заполненную снегом.

«Я убью его! — подумал он. — Жить на этом свете будет либо он, либо я».

Кабанов прошел мимо занесенной снегом автобусной остановки к продуктовому магазину. Две продавщицы сидели за прилавком и громко смеялись. Кабанов видел только их белые накрахмаленные кокошники. Он подошел к весам, взглянул на потемневшую от колбасного жира разделочную доску, на большой нож с черным длинным лезвием.

— Вам что, молодой человек? — спросила одна из продавщиц.

— Выбираю, — ответил Кабанов.

— Выбирайте быстрее, а то мы скоро закрываемся.

Он вышел на улицу, крепко прижимая к груди нож, от которого ядовито-вкусно пахло копченой колбасой. «Я убью его!» — еще раз подумал Кабанов.

Город остался позади. Он уверенно шел по обочине дороги в непроглядный мрак, туда, откуда нескончаемыми эшелонами двигалась метель, держа нож в руке и продолжая повторять про себя: «Я его убью. Я перережу ему горло».

Где-то вдали сквозь матовую завесу снежинок пробивался тусклый свет. Кабанов сошел с дороги и побрел по полю. «Я должен его убить!» — эта мысль никак не хотела отпускать его.

Конец пути был уже близок. Кабанов видел скелет строящегося здания, неровный строй гаражей с торчащими кверху коленчатыми трубами от «буржук». Где-то тявкали собаки. Пахло углем, едой... Да, конец пути уже близок. Конец долгого-долгого пути, и он, многострадальный путник, преодолевал последние метры... «Я всажу ему нож в сердце...»

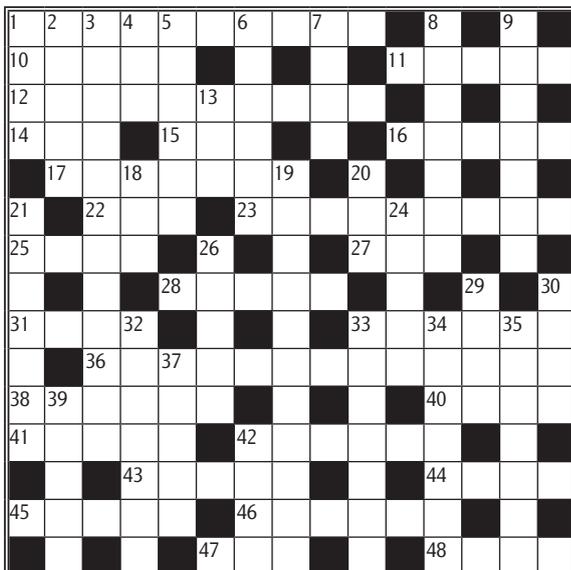
Еще немного. Последнее усилие — и он придет... Стиснуть зубы и идти! Когда остается последняя сотня шагов, дойти до конца пути можно даже мертвым.

Кабанов поправил нож в руке. Кулак онемел и не чувствовал рукоятки. Не выронить бы! Он пошел медленнее, вглядываясь в мрачные, наглухо закрытые коробки гаражей... Никогда не подумаешь, что где-то здесь — вход в иной мир, Рубикон, черта, разделяющая свет и тень... А вот и он! Кабанов остановился напротив тяжелых гаражных створок. Маленькая дверь, врезанная в середину, была приоткрыта, внутри горел свет. Кабанов оглянулся, посмотрел на черное небо, в эту страшную ледяную бездну, откуда на землю низвергался мертвенный холод, и содрогнулся. Невыносимо было видеть и чувствовать над собой бездну. Она так и тянет, тянет к себе, и кажется, что вот-вот оторвешься и понесешься вверх, сквозь метель и тучи...

Кабанов открыл дверь и вошел в гараж. Плешивый человек в армейском бушлате сидел на табурете спиной к нему и ртом продувал замасленный карбюратор. Обернулся на скрип двери, положил карбюратор на железный стол, заваленный инструментами, вытер черные руки о тряпку и устало произнес:

— Вернулся все-таки...

Нож выпал из занемевшей руки и воткнулся в песок. Превозмогая себя, Кабанов медленно приблизился к человеку в армейском бушлате, постоял перед ним, сдерживая наплыв чувств, похожих на тонкую пленку мазута поверх чистого родника, и... опустил на колени. ☐

По горизонтали: 1. Знак нечистой силы. 10. Составная часть слов, означающая «мнимый», «ненастоящий» или «близко», «почти». 11. Блюдо, приготовленное по-царски. 12. Деньги. 14. Бесполое местоимение. 15. Шуточная единица опьянения. 16. Юноша, битый играющей дамой. 17. Салонная игрушка французской поэзии, привезенная в Россию Н. Карамзиным. 22. Многострадальный ..., в чей день родился Николай II. 23. Обряд по установленным правилам. 25. Река, приют Лорелеи. 27. Во Франции — ажан, в Англии — бобби, в США — ... 28. Густой мясной венгерский суп, ставший вторым блюдом. 31. Гибрид жмота и сноба. 33. Расстояние от экватора по меридиану, выраженное в градусах. 36. Сочувствие. 38. Крыса, набившая себе цену. 40. Единица длины. 41. Город с самым большим во Франции готическим собором. 42. Чувство, сопровождающее безделье. 43. Часть ботинка. 44. Небесный пиротехник на греческий лад. 45. Легкое издевательство. 46. Имя святого, чьи мощи лежат в итальянском городе Бари. 47. Бодрящий напиток. 48. Добрый у Золушки и злой у мачехи.

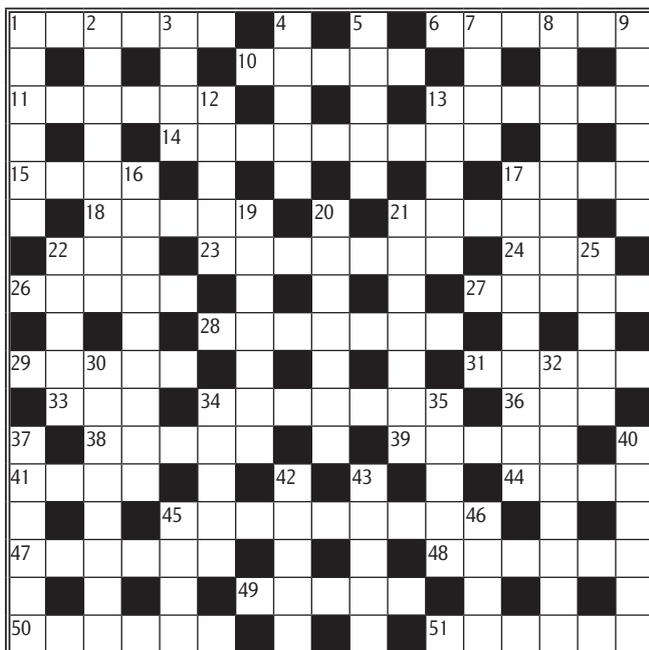
По вертикали: 1. Возле него сидит «молодая пряха» из песни. 2. Минимум света. 3. Характеристика пищи, «измеряемая» талией. 4. Автомат в руках израильского солдата. 5. Советский геолог, автор трудов о гидросфере Земли. 6. Мастер претворять вымысел в действительность. 7. Этим предметом просеивают муку. 8. Отбитый перед жаркой кусок мяса из телячьей или свиной вырезки. 9. Римский император. 13. Самая длинная река в мире. 18. Отрицательная электронная частица. 19. Князь, примкнувший к восстанию своего холопа Болотникова. 20. Один из китов, на котором держалась рыбная торговля в СССР. 21. «Суровый бой ведет ледовая ...» (из песни). 24. Самостоятельная единица музыкальной формы. 26. Кремневое ружье, заменившее мушкет. 29. Импрессионист, создавший серию «Стог сена». 30. Шут при богатом барине. 32. Схватка в поэтической речи. 33. Шкирка. 34. Месяц мусульманского поста. 35. Редкий старинный сорт яблок. 37. Под зад коленом. 39. Крайне смешно. 42. Библейский персонаж, побывавший во чреве кита.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 9

По горизонтали: 1. ... язык... 4. Серов. 9. Рык. 10. Арабы. 11. Юбка. 13. Отчет. 14. Уайет. 16. Трико. 18. Жако. 20. Интрига. 21. Фома. 23. «Репка». 24. Айсберг. 25. Элла. 26. Окетт. 31. Дно. 32. Горец. 33. Нестор. 34. Лион. 35. Ось. 38. Экосез. 39. Цыканье. 40. Дао. 42. Жнива. 46. Безе. 47. Ротару. 48. «Налим». 49. Твен. 50. Яблоня. 51. Хомяк. 52. План.

По вертикали: 2. Зебу. 3. Край. 4. Скот. 5. Ручка. 6. Ватто. 7. Шапито. 8. Высота. 12. Картист. 15. Елисей. 17. Мираж. 18. Жаргон. 19. Капут. 21. Фазтон. 22. Мюллер. 27. Кольцо. 28. Егорка. 29. Щепкин. 30. Утесов. 31. Дрозд. 36. Интервал. 37. Черепнин. 41. Аттила. 42. Жених. 43. Ислам. 44. Армяк. 45. Франс.

По горизонтали: 1. Бабочка, «не долетевшая» до Ирландии. 6. Игра с самым большим мячом. 10. Поэма Гете. 11. Название кувшинки в русской поэзии. 13. Композитор, близкий друг О. Ренуара. 14. Воинское звание Ф. Достоевского в 1841 году. 15. Название острова у чукчей. 17. Египетская синяя краска. 18. Фамилия Дракулы. 21. «Зеркало на большой дороге», отражающее и небо, и грязь (Стендаль). 22. Маршал, спасший остатки наполеоновской армии на Березине. 23. Город, где фанатики убили А. Грибоедова. 34. А ... и ныне там. 26. Советский график, автор иллюстраций к «Пиковой даме» А. Пушкина. 27. Зверь, в чью шкуру в Древнем Египте завертывали покойного. 28. «Память человечества» (Ф. Геббель). 29. Первый король Сицилийского королевства. 31. Певчая птица. 33. Драматург, у которого Шекспир заимствовал «сцену на сцене» в «Гамлете». 34. Железа, тесно связанная с гипоталамусом. 36. Вербка в 50 саженой у поморских рыбаков. 38. «Старость дня» (А. Шопенгауэр). 39. «Перестаньте, ..., клясться на крови» (из песни). 41. Основа плавиковой кислоты. 44. Умбрийское племя, чей язык был ходовым в Помпеях до самой их гибели. 45. Песня в составе канте фламенко. 47. Удалой наездник на Кавказе. 48. Сын Саула, которого друзья Давида называли Иевосфей. 49. Опера А. Серова, написанная для В. Бианки. 50. «Шерстяная одноцветная материя», впервые отмеченная в печати в 1820-х годах. 51. Тропическая трава или кустарник, дающий медикам александрийский лист.

По вертикали: 1. Мегалитическое сооружение, от которого произошла колонна. 2. Поэт, считавший незаконченной ни одну басню, пока она не показана Н. Львову. 3. Другое название колодезного журавля. 4. Мельница в «Калевале», дающая муку, соль и деньги. 5. Цветок, подарок человеку от богов. 7. Лапландский олень. 8. Один из любимых цветков А. Веберна. 9. Нервюра во французской готике, соединяющая верхние точки арок. 12. Король Лир советского кино. 13. Легкая ткань, впервые упомянутая у нас А. Чеховым. 16. Предмет в руке В. Шебуева на его автопортрете. 17. Единственный итальянец в творчестве Ч. Диккенса («Крошка Доррит»). 19. Самый известный драматург Англии XIV века. 20. Сельхозработа на картине А. Пластова. 21. Представитель племени, ставший ядром при образовании белорусского народа. 22. Утка, которая водится в Западной Сибири и Казахстане. 25. Запирающее устройство. 30. Искусство безмолвия по А. Мальро. 32. Писатель, которого Ф. Мориак назвал посредственным учеником Флобера. 34. Эпитет Аполлона, несущего гибель огненными стрелами. 35. Стряпня Локусты. 37. Калмыцкий ладан. 40. Главная книга человечества. 42. Австрийский композитор. 43. Стапельное место. 45. ... замедленного действия. 46. Уральский самоцвет, напоминающий утреннюю зарю.

Ответы на эрудит, напечатанный в № 9

По горизонтали: 1. Агапа. 6. Ясень. 10. Парус. 12. ... легион. 13. Убийца. 14. Гонзаго. 15. Кареев. 18. Олдама. 19. Аргон. 20. Тверь. 25. Несогласица. 26. Гений. 28. Минор. 29. Баратынский. 33. Шухов. 34. Хорал. 38. Ювенал. 40. Дынька. 41. ... милость. 42. Индрик. 43. Льгота. 44. Зипун. 45. Цельс. 46. Чекан.

По вертикали: 2. Гагара. 3. Пробег. 4. Табор. 5. Мурзавецкая. 7. Соболь ... 8. Нейрат. 9. Клюка. 11. Надар. 13. Угорь. 16. Ермолов. 17. Вобла. 21. Медик. 22. Эсхатология. 23. Ферсман. 24. Лилия. 27. Выход. 30. Кулик. 31. ... Жюдик... 32. Сердце. 33. Шамиль. 35. Рыльце. 36. Львова. 37. Казах. 39. Струг.

Уважаемые читатели!

Оформить подписку на «Литературно-художественное приложение журнала «Смена» вы можете в редакции с получением по почте.

Заполните купон и оплате квитанцию в любом отделении Сбербанка, вышлите копию купона и оплаченной квитанции по адресу:

127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1,

или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Подписка с учетом доставки на 1 месяц стоит 60 руб., на 3 месяца – 180 руб., на 6 месяцев – 360 руб.

КУПОН

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		3010181060000000119
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044583119 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
		Вид платежа	Дата
	Подписка на журнал «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»		
	Подпись плательщика		
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		3010181060000000119
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044583119 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
		Вид платежа	Дата
	Подписка на журнал «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»		
	Подпись плательщика		
Кассир			

А также вы можете подписаться на журнал «Смена» и «Литературно-художественное приложение журнала «Смена» в любом отделении почтовой связи.

<p>Каталог «Газеты Журналы Агентства «Роспечать»</p>		<p>Индекс 84630 – подписка на «Литературно-художественное приложение журнала «Смена» Индекс 70820 – подписка на журнал «Смена» Индекс 33233 – подписка на комплект журнал «Смена» + «Литературно-художественное приложение журнала «Смена» Льготный индекс 33234 (для постоянных подписчиков) – подписка на комплект журнал «Смена» + «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»</p>
<p>Каталог Российской прессы «Почта России»</p>		<p>Индекс 16746 – подписка на «Литературно-художественное приложение журнала «Смена» Индекс 99406 – подписка на журнал «Смена» Индекс 11602 – подписка на комплект журнал «Смена» + «Литературно-художественное приложение журнала «Смена» Льготный индекс 11578 (для подписавшихся в 2010 году) – подписка на комплект журнал «Смена» + «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»</p>
<p>Объединенный каталог «Пресса России»</p>		<p>Индекс 87805 – подписка на «Литературно-художественное приложение журнала «Смена» Индекс 88998 – подписка на журнал «Смена»</p>

« Арик, у нас во дворе произошло ЧП. Там стоял трейлер, и в нем чуть не убили человека. Преступник сбежал, а в пострадавшем я узнала моего старого знакомого Урала Морозова. Его увезли в больницу, и я рванула к нему узнать, что и как, но он скрылся. И самое главное, только что Урал позвонил мне и сообщил, чтобы ты опасался Дениса Торкача. Он сказал — это самое главное! Умоляю, будь осторожен!»

Людмила Кушпель, «Презентация убийства»

« Эгон вручил Валли письмо, в котором писал, что хочет с ней расстаться, но при этом готов каждое лето проводить с ней несколько недель. Но Валли это совершенно не устраивало — она любила Эгона, прожила с ним четыре года, была рядом в самые трудные моменты жизни. А теперь он заявляет, что хочет жениться на другой!»

Ирина Опимах, «Возвращение «Валли»

« И начались коронационные торжества, праздник, который продолжался десять лет — все время правления Анны. Бывшая герцогиня Курляндская, а ныне владычица всяя Руси, дождалась своего звездного часа.»

Светлана Бестужева-Лада, «Анна Кровавая»

« С годами характер Караваджо лучше не становился. Он оставался таким же скандалистом: днем занимался живописью, а по вечерам, вооружившись шпагой, бродил по римским улицам, пил и буянил в трактирах и волочился за женщинами.»

Денис Логинов, «Долгожданная находка»